

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XLVII международной научно-практической конференции*

№ 3 (45)
Март 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии;

Жамудинов Виктор Николаевич — канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан;

Калтинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кирьянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3 (45). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 102 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер **5**

- О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ **5**
Иванов Александр Михайлович
Корчагин Анатолий Георгиевич

Секция 2. Гражданское, жилищное и семейное право **18**

- ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ (КОЛЛИЗИЯ НОРМ) **18**
Андреева Любовь Александровна
- БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ И СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ **24**
Дроменко Анастасия Юрьевна
Морозова Оксана Александровна
- ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ **31**
Лаврентьева Татьяна Владимировна
Скрипникова Елена Сергеевна
Скрипников Игорь Константинович

Секция 3. История государства и права России и зарубежных стран **35**

- ОБОБЩЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРЕДМЕТ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РОССИИ С УЧЕТОМ НАКОПЛЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА **35**
Зеленская Юлия Александровна

Секция 4. Конституционное право **42**

- ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА **42**
Алимов Боту Бабинович

Секция 5. Международное право	52
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ Искевич Ирина Сергеевна Белов Андрей Сергеевич	52
Секция 6. Муниципальное право	57
К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЯХ Андреева Любовь Александровна	57
Секция 7. Теория государства и права	63
ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Гашина Наталья Николаевна Гашин Артем Андреевич	63
Секция 8. Уголовное право	69
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И СКАНДИНАВСКИХ СТРАН Дядюн Кристина Владимировна	69
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 374 КК УКРАИНЫ Карпова Наталья Юрьевна	76
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН Махамов Отабек Мухтарович	86
ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА Нечаев Алексей Дмитриевич Усалева Вадим Вадимович	92
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ Скворцова Юлия Сергеевна	97

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Иванов Александр Михайлович

*канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства
и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
РФ, г. Владивосток
E-mail: Ami_25.07@bk.ru*

Корчагин Анатолий Георгиевич

*канд. юрид. наук, профессор кафедры гражданского
и предпринимательского права Юридической школы
Дальневосточного Федерального университета,
РФ, г. Владивосток*

AN APPROACH TO THE IMPROVEMENT OF THE ANTICORRUPTION POLICY

Aleksandr Ivanov

*Dr. of Law, Assistant professor of Chair of Theory & History of State
and Law, Law School of Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok*

Anatoly Korchagin

*Dr. of Law, Professor of Chair of Civil & Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

Четкое понимание природы должностных преступлений позволяет не только выработать правильное определение данного явления, но и сформировать адекватное ему противодействие, полагают авторы, приглашая к осмыслению этой «язвы» общества.

ABSTRACT

The clear understanding of the nature of public officials' crimes allows not only to elaborate a correct definition of that phenomenon, but to develop adequate countermeasures as well, suppose the authors of the article, inviting to consider of that social evil.

Ключевые слова: должностное преступление; коррупция; негосударственные организации (НГО); правовая политика.

Keywords: public officials' crime; corruption; nongovernmental organizations (NGO); legal policy.

Настоящей работой мы продолжаем свои исследования по осмыслению природы или сути антиобщественного явления, называемого коррупцией [4; 5; 6; 11]. На языке законодателя оно нередко именуется должностными преступлениями и правонарушениями. Вред, причиняемый ими, огромен, не поддается прямому исчислению в той или иной валюте. При этом вред наносится и обществу, разлагая его нравственные устои, формируя мнение, что «деньги управляют миром» или «деньги могут все»; и государству, которое теряет свой авторитет в обществе от деятельности своих нерадивых чиновников, от чего государство, и без того уже ослабшее, слабеет еще более; и — отдельной личности, теряющей основу, опору в жизни в лице государства, которое, по своему определению, призвано заботиться о личности, развивая ее гармонично, обеспечивая ей защиту от вредных посягательств с чьей бы то ни было стороны.

Посмотрим, как развивалась ситуация в стране сразу после «перестройки», что способствовало коррупциогенности в обществе, как годы реформирования народного хозяйства после развала Союза ССР привели к тому, что некоторые «предприниматели» пытались возместить недостаток знаний, ума, трудолюбия и умений разного рода хитростями и обыкновенным плутовством. Результат всегда получался плачевным, так как нечестно взятое, обязательно востребуется обиженными назад, причем весьма решительным способом: с привлечением блюстителей порядка или даже бандитов. [2, с. 11]. Находясь в зависимости от коррумпированных политиков и организованной преступности, средства массовой информации разом начали

пропагандировать идею легкого обогащения, образ «нового русского», который якобы за счет собственного трудолюбия, смекалки и таланта заработал так много денег, что готов поделиться теперь с простыми смертными не только деньгами, но и своими секретами о том, как надо правильно хозяйствовать. При этом в качестве иллюстрации «хозяйственной деятельности» демонстрировались и демонстрируются роскошные дома, машины, дачи этих «гениев» как законный результат похвального труда [2, с. 12]. В тот период у руководства коммерческими предприятиями чаще всего становились не те люди, которые *могут* руководить, а те, которые в силу обстоятельств *оказались* на этих местах и ни за что не хотели бы оставить их. Со временем положение дел изменяется. Желаящие получать прибыль от своих предприятий — новые хозяева — сменяют случайных людей и ставят на их места профессионалов. Процесс этот оказывается непростым и приобретает затяжной и безболезненный характер, так как несовершенство законодательства, недостаток подготовленных работников и иные причины затрудняют «естественный отбор» в российском предпринимательстве. В прибыли они, несомненно, будут заинтересованы, хотя надеяться, что вот они, эти профессионалы, будут заинтересованы в России, и кому они будут служить, — не придется. Подобная картина складывается и на государственной службе. На государственную службу далеко не всякий чиновник приходит с благими намерениями послужить народу. Порой он имеет вполне объяснимое, с житейской точки зрения, желание обогатиться, причем в минимальные сроки. А для поддержания государственной и местной казны, проведения всевозможных празднеств, фестивалей тоже ведь нужны деньги, и немалые. Поэтому любимым занятием чиновников сделалось вымогательство. Но, если большие мафиозные структуры обычно защищены крупными коррумпированными чиновниками, то вытягивание денег из этого источника для мелких чиновников — занятие весьма опасное. Вот они и атакуют средние и мелкие компании [2, с. 48] Здесь начинают делить вымогательство на два вида — «для себя» и «не для себя»... Предприниматели на опыте узнают: если приходит чиновник и требует денег явно «не для себя», то ничего не дать будет неправильно, так как они, в целом, беззащитны и этот человек может испортить их компании жизнь надолго [2, с. 49].

Далее, после развала СССР в стране сложилась редкая для человеческой личности ситуация — «свобода». Одни стали использовать данную им свободу для написания книг, строительства храмов, восстановления промышленности. Другие — для изготовления и распространения порнографии, торговли отравляющими человека

продуктами, различных финансовых махинаций, подкупа и воровства. Размах деяний этих «других» становится настолько широк, что начинает представлять реальную опасность для нашего общества [2, с. 92]. Взятничество для этих «других», обращается в привычку, в страсть своего рода. Увеличение вдвое жалованья не исправляет иных от этого порока. Тогда как напротив, честный человек даже при малом жалованье не решается на взятки. Под напором СМИ, романтизирующих бесчестье, честных людей становится все меньше. Нужна твердая решимость и мужество, чтобы отказываться от взяток, которые может пробудить и поддержать в душе только одно: совесть. Однако совесть («совместное ведение» добра) не приобретается за деньги, она — результат кропотливого процесса нравственного и религиозного воспитания личности, в ходе которого укрепляют, а не размывают грань между понятиями «добра» и «зла». Лишь тогда предлагать и давать взятки для человека становится делом также постыдным и виновным пред Богом. Ведь, если человек, например, христианин или мусульманин, то лихоимство или ростовщичество становится для него внутренне неприемлемым. Тогда связывающий себя — либо предложением, либо принятием взяток — прежде, нежели будет обличен людьми, будет обличен своею совестью, «нелицеприятным судьей». Тогда у него все будет в доброй свободе: и совесть, и язык, и руки, и просьба собственная, и отказ другому в просьбе [2, с. 104].

Между тем, в настоящее время все экспертные оценки едины в том, что в современных условиях коррупция в России вошла в стадию формирования коррупционных сетей — организованных групп, созданных для совместного извлечения дохода из коррупционной деятельности. Любая коррупционная сеть, по мнению экспертов, включает три составляющих: коммерческую или финансовую структуру, которая реализует полученные выгоды и льготы и превращает их в деньги; группу государственных чиновников обеспечивающих прикрытия при принятии решений; группу защиты коррупционных сетей, которую осуществляют лица правоохранительных органов. Эксперты уверены, что весь российский первоначальный капитал был сформирован из государственной собственности, бюджетных средств, прав на обслуживание этих бюджетных средств и т. д. Поэтому в России коррупция создавала свои сети на основе существующих государственных структур и структур, которые в недалеком прошлом, до приватизации, были государственными. Индекс восприятия преступности ухудшается и демонстрирует, что если в 2008 г. Россия занимала 147 место из 180 стран, то в 2010 г. — 154 место [12]. При этом следует признать, что в последние годы

Индекс восприятия коррупции подвергается жесткой критике из-за отсутствия научных критериев мониторинга коррупционных проявлений.

Одной из продуктивных методологических концепций исследования правовых явлений является системный подход, который позволяет квалифицировать коррупцию как социальное явление, и в свою очередь, устанавливать на основе «правил признания» качественную особенность данного явления. Например, рекомендации ГРЕКО, обращенные к России, требуют, чтобы уголовная ответственность наступала за любое проявление коррупции, но в российском законодательстве и юридической доктрине понятием коррупции традиционно охватываются не только коррупционные преступления, но и коррупционные административные правонарушения и дисциплинарные проступки. Соответственно, применяются различные виды ответственности (уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная). Например, Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [21]; Национальный план противодействия коррупции от 31.07.2008 г. [8], Указ Президента РФ от 2.04.2013 г. № 309-ФЗ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [18]; Указ Президента РФ от 2.04.2013 г. № 310-ФЗ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [19]; Указ Президента РФ от 6 июня 2013 г. № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации о расходах по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, предоставляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов» [20] и т. д. Российских чиновников разных уровней поставили перед трудным выбором: они должны отказаться от всех своих зарубежных активов — банковских счетов, ценных бумаг, переведя средства в свою страну, или покинуть свои престижные посты. На размышления и соответствующие действия дается три месяца. Если этот выбор не сделает сам чиновник, его сделает за него начальник — нарушитель запрета будет досрочно освобожден от занимаемой должности. Завершается работа законодателя над законом, устанавливающим контроль за расходами государственных служащих и сотрудников спецслужб, чья должность обязывает отвечать за расходы, если сумма сделки превышает общий доход должностного лица за три последних года (контроль за расходами чиновников и сотрудников спецслужб).

Что касается применимости синергетики в правовой сфере, то следует скорее согласиться с позицией тех, кто считает, что использование принципов синергетики — правила, которые порождают такие системы, не могут соблюдаться иначе, как в самом процессе их применения. С позиции синергетического подхода можно рассмотреть общие закономерности процесса самоорганизации коррупционеров в коррупционной сети. Даже относительно честные чиновники, не берущие взятки ни за какие услуги, через коррупционные сети получают настолько значительные доли своих доходов, что не могут существовать вне этих сетей и, соответственно, противостоять реализации ими своих коррупционных интересов. В результате государственные служащие в своей работе руководствуются своими обязательствами перед коррупционными сетями не меньше, чем интересами государства. В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети являются основным и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок.

Уголовный кодекс России и Кодекс об административных правонарушениях устанавливают ответственность за разные деяния, различающиеся по степени общественной опасности, что дает возможность дифференцировать и, вместе с тем, обеспечить неотвратимость наказания. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ст. 15 УК РФ дополнена часть шестая, согласно которой при соответствующих условиях суд вправе при наличии смягчающих обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую [22]. В условиях усиления борьбы с коррупционными проявлениями данная новелла вызывает недоумение. Определение категории преступления всегда являлось прерогативой законодателя, а не суда. Есть универсальный рецепт совершенствования законотворческой деятельности, как принятие закона «О нормативно-правовых актах», закрепляющего критерии нормативности, полноты и конкретности правовых предписаний, устанавливающих требования к оформлению нормативно-правовых актов. С другой стороны, в 2011 г. в УК РФ были внесены изменения, существенно усиливающие меры уголовной ответственности за коррупцию. Федеральным законом от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [23] было криминализовано посредничество во взяточничестве. Согласно этому акту посредничеством во взяточничестве признается непосредственная

передача взятки по поручению взяткодателя или взятополучателя либо иное содействие взяткодателю или взятополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. При этом уголовно наказуемой признается и такая форма посредничества во взяточничестве, как обещание или предложение посредничества. Правоприменительная практика по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях Верховного Суда РФ была обобщена постановлением от 9 июля 2013 г. № 24 [10].

В международных документах термин коррупция стал активно использоваться с 50-х гг. XX века. Современное международное право использует широкую трактовку коррупции как корыстного служебного злоупотребления, не сводя его к подкупу государственных служащих. На национальном уровне подходы к определению коррупции различаются, и заметно, что нет прямой зависимости между наличием в законодательстве легального определения коррупции и эффективностью антикоррупционных мер. Все же в уголовном праве понятие коррупции позволяет осуществить максимальную криминализацию коррупционных деяний, в профилактическом законодательстве — выстроить эффективную систему антикоррупционной политики. Будучи понятием собирательным, объединяющим не только группу преступлений, но и иные правонарушения, понятие коррупции может и должно использоваться в криминологическом законодательстве. Рамки уголовно-правовой коррупции все же должны быть определены. Без определения объекта предупредительной деятельности немыслимо эффективное криминологическое законодательство, в том числе законодательство о противодействии коррупционной преступности. При этом следует особо подчеркнуть, что коррупционная преступность — категория только сугубо криминологическая, выражающая совокупность «родственных» коррупционных преступлений. Коррупция — более широкое явление.

Полагаем, что на данный момент за основу может быть взято следующее определение: Коррупция — это противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставление другими лицами такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний [14, с. 6—15]. Тогда как под антикоррупционной политикой понимается совокупность законодательных, организационных мер, политических, информационных — направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции. В криминологическом аспекте основное содержание антикоррупционной политики выражается

в борьбе с уголовно-наказуемыми коррупционными и иными проявлениями (продуцирующими коррупцию или ее производными) с обязательным использованием превентивных антикоррупционных средств, имеющих полиотраслевую специфику [1, с. 9—13].

Таким образом, проблемы коррупции в мире и России свидетельствуют о следующем: коррупция и ее рост затрагивают проблему национальной безопасности страны. Для решения данной проблемы и уменьшения коррупционных проявлений требуется единство принципов борьбы с коррупцией в публичной и частной сферах. С понятием коррупции и коррупционной преступности, а также — с антикоррупционной политикой в мировом сообществе и на национальном уровне какая-то ясность имеется, но, дело в том, что проблема безопасности страны не устраняется, даже если бы удалось уличить всех коррупционеров и привлечь их к ответственности.

Здесь будет вполне уместным углубиться и в философские (или как указывают оппоненты — околонучные) размышления относительно ответственности за преступления, иначе — уголовного наказания вообще, о том, что, собственно, из себя представляет наказание, кому и чему оно служит в реальности и каким целям оно призвано служить. Что касается полиотраслевой политики — это понятно, ведь столь распространенному негативному явлению как преступность можно противопоставить только широкомасштабную деятельность государственных органов по борьбе и предупреждению преступности, которая должна иметь единый подход, стратегию, правовую политику в целом.

Поскольку уголовное наказание является реакцией государства в рамках предписаний норм уголовного права, то логично будет отметить некоторые характеристики права вообще. Краткие формулировки понятия указывают, что это «воля государства, возведенная в закон» [7, с. 46—47] или «совокупность норм, регулирующих общественные отношения», «право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях». Либо кратко: «право есть порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в человеческом обществе» [17, с. 12—16] Своеобразное понятие права, связывающее его с уровнем нравственности, находим у В.С.Соловьева: «Право есть низший предел, некоторый минимум нравственности, для всех обязательный»; *«Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»* [15, с. 35] Если все право есть «низший предел» нравственности, тогда, исходя из этого, уголовное наказание может

быть понято как некоторый барьер, отделяющий минимально нравственное поведение человека от полного его падения, когда он совершает преступление, и, вместе с тем, устанавливающий определенную компенсацию за недозволенный выход ниже установленного предела нравственности. Компенсацию для общества и/или того лица, в отношении которого совершено безнравственно преступное поведение. Не все ученые разделяют ту позицию, согласно которой уголовное право ставится в зависимость от нравственности [4, с. 257—275], однако именно нравственность была и остается критерием «своевременного» вмешательства или вступления в действие права, в том числе и уголовного, так как оно есть «низший предел» не чего-нибудь, а именно — нравственности [6].

Во избежание произвола межличностных отношений, который может лишь способствовать снижению планки «низшего предела» последний возводится государством в ранг закона. Для придания стабильности и чувства защищенности общественному организму как бы гарантируется, в случае посягательства на его покой более допустимого, что некий минимум все же будет восстановлен. Такую гарантию, понятно, может дать лишь специфический орган, стоящий *над* всеми членами конкретного социума. В обычной ситуации роль такого органа и призвано играть государство, в лице своих правоохранительных органов. Именно поэтому из понятия *переступания* за «низший предел» (преступления) вытекает, что наказание представляется выражением того особого отношения, которое возникает между учинившим это деяние и государством. С точки зрения преступника наказание является, таким образом, последствием им содеянного; с точки зрения государства — мерой, принимаемой вследствие совершенного виновным деяния [16, с. 5] Для восстановления нарушенного покоя/порядка, разумеется, логичным будет, если мера, принимаемая государством по отношению к преступнику вследствие совершенного переступания/преступления за «низший предел» нравственности позволит *максимально* восстановить нарушенный порядок/покой до его первоначального состояния. Однако такой идеальной картины фактически не существует, да и вряд ли может существовать, например, в случае совершения телесных повреждений или лишения жизни, поэтому государство или общество, сообразно с господствующей на данный момент нравственностью, производит оценку степени восстановления утраченного. При этом в зависимости от совпадения оценки утраченного в законе и в головах представителей общества речь может идти о степени приближения к удовлетворенности или неудовлетворенности предпринятыми мерами. Это

представляется важным в подходе к разработке системы наказаний и в ходе осуществления уголовной политики [9, с. 133]. Известно, что социальная шкала оценок индивидуальных актов, критерии таких оценок непосредственно определяются системой социальных ценностей данного общества. Авторы монографии «Основания уголовно-правового запрета» справедливо считают, что «спектр социальных ценностей достаточно разнообразен» [9]. Это — ценности моральные и этические, идеологические (политические), в некоторых системах — религиозные, национально-этические, экономические, эстетические и др. В свою очередь сами ценности непосредственно связаны с общественными идеалами. Ценности — «это не то, за что платят, а то, ради чего живут». Поэтому социальные ценности играют роль «критериев выбора из альтернативных способов действий» [9, с. 133]. Остается только добавить, что социальные ценности или общественные идеалы становятся таким «критерием выбора из альтернативных способов действий» не только для решающего переступить планку, установленную законом, но и для судебных органов, выносящих приговор за совершенные деяния, а также не в меньшей мере — для законодателей.

Преступность в целом — это отнюдь не инородное тело в организме общества, а результат специфической деформации его характеристик, существующих в нем отношений, их перерождения, подобно тому, как это происходит при раковой опухоли живого организма [3, с. 41; 4; 5; 6]. Поэтому, как в случае удаления пораженной раком печени — это может оказаться лишением человека жизни, так и в случае с наказанием — даже при самом активном наступлении на преступность общество и государство должны обеспечивать жизненно важные интересы людей, то есть гарантировать соблюдение основных прав человека даже при определении наказания.

С точки зрения общества, проведение гуманизации уголовного права (как в отношении процесса криминализации, так и пенализации) — и целесообразно, и необходимо, ибо государство, отказавшееся от политики *воспитания* кадров, пригодных для России и перешедшее на политику *образования*, не имеет морального права наказывать своих граждан, вырастающих в условиях, где все более распространяется мнение, что преступление, в том числе и коррупционное преступление (или, с религиозно-нравственной позиции — грех) — это норма жизни.

Можно сделать вывод: *криминальная ситуация и ситуация в отношении коррупции в России, вероятно, будет продолжаться ухудшаться*. В частности, в настоящее время наблюдается усиление процесса превращения российского Дальнего Востока в *один*

из мировых центров деятельности транснациональной организованной преступности, где будут со временем преобладать наркобизнес, торговля людьми и экономическая преступность, которые, очевидно, невозможно совершить без коррупции.

Итак, правильное представление о природе организованной преступности и коррупции приводит к верному формулированию понятия данного явления. Это — залог правильного или адекватного выстраивания правовой политики по отношению к преодолению этих антиобщественных явлений. Может возникнуть вопрос о том, что если в обществе есть верное представление об этих явлениях, то почему они до сих пор не изжиты. Очевидно, что есть силы, желающие сохранять эти явления, и, в свою очередь, сопротивляются изживанию самих себя. Есть те, кому это выгодно [4]. Существует мнение, что помочь преодолеть коррупцию могут НГО/NGO, которые призваны к активному участию в процессе формирования гражданского общества. Однако, уже в самом определении — НГО — если его перевести правильно, «неправительственные организации = неуправляемые организации» на греческие, а не на латинские корни, то получается — «анархические организации», а анархия основой порядка быть не может. Где нет руководящих основ/начал, (ан-архия — букв. — без-началие), тщетно и наивно ожидать упорядоченности отношений. Обществом и политиками, видимо, еще не до конца осознано, что НГО содержат в себе дезорганизующее начало, как для общества, так и для экономики России. Без надлежащего воспитания и восстановления утраченных мировоззренческих ценностей даже самые строгие меры борьбы с коррупцией явятся очередным фарсом.

Список литературы:

1. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты. // Автореф... докт.юр.наук. М., 2009.
2. Волобаев А. Как выжить православному предпринимателю в современном мире. Цель и метод. М., 1997.
3. Долгова А.И. Стратегические направления борьбы с преступностью// Формирование государственной политики борьбы с преступностью. Материалы конференции. М., 1997.
4. Иванов А.М. Корруптология — правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на уголовную преступность и коррупцию. Владивосток, 2002.
5. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Пути развития уголовного права до начала XXI века. Сравнительный анализ. Монография. Lambert Publishing, 2014. — 316 с.

6. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Современное понимание уголовного права// Право и политика. — 2014. — № 11. — С. 1647—1660.
7. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юр. Литература. 1961.
8. Национальный план противодействия коррупции от 31.07.2008 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93679/> (дата обращения 18.03.2015).
9. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация)/ Отв. Ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»// Российская газета, 17 июля 2013 г.
11. Проблемы современной российской правовой политики//А.Г. Корчагин, А.М. Иванов, Г.С. Воропаев и др. Современная правовая политика России (конец XX начало XXI). Монография. Том 2. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2014. — с. 21—40.
12. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции: информация об исследовании [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://cpi.transparency.org/>. (дата обращения 18.03.2015).
13. Российская антикоррупционная политика и правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций//А.Г. Корчагин, А.М. Иванов, Г.С. Воропаев и др. Современная правовая политика России (конец XX начало XXI). Монография. Том 2. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2014. — с. 143—160.
14. Селихов Н.В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты). // Автореф...канд.юрид.наук. Екатеринбург, 2001.
15. Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн.: Харвест, М: АСТ, 2001.
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994.
17. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
18. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309-ФЗ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/70350274/> (дата обращения 18.03.2015).
19. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 310-ФЗ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70250272/> (дата обращения 18.03.2015).

20. Указ Президента РФ от 6 июня 2013 г. № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации о расходах по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, предоставляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов»//Российская газета, 11 июня 2013 г.
21. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения 18.03.2015).
22. Федеральный закон от 7.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. — 2011, — № 50, — Ст. 7362.
23. Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции»// Собрание законодательства РФ. — 2011, — № 19, — Ст. 2714.

СЕКЦИЯ 2.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ (КОЛЛИЗИЯ НОРМ)

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент Российского государственного
гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права
Филиала Российского государственного гуманитарного университета
в г. Великий Новгород,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

THE LEGAL STATUS OF HOMEOWNER ASSOCIATIONS (CONFLICT OF LAWS)

Andreeva Lybove

*candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, head. the Department of private
law branch of Russian state University for Humanities in Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам, регулирования правового положения товариществ собственников жилья с точки зрения гражданского и жилищного законодательства. Автор рассмотрел возможные пути и способы унификации отдельных норм, регулирующих статус ТСЖ.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of regulating the legal status of homeowner associations from the point of view of the civil and housing legislation. The author examined the possible ways and means for the unification of certain rules governing the status of the HOA.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья; жилищное право; гражданское право; интересы членов ТСЖ; нормы.

Keywords: the homeowners; housing law; civil law; the interests of the members of the HOA; rules.

Товариществом собственников жилья (далее ТСЖ) признается некоммерческая организация, объединение собственников помещений в многоквартирном доме, созданная в целях: а) совместного управления общим имуществом в многоквартирном доме; б) обеспечения эксплуатации этого имущества, владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме (ч. 1 ст. 135 ЖК РФ) [2].

ТСЖ как организация обеспечивала собственников дополнительными возможностями, которые отсутствовали у каждого из них по отдельности. Это накопление денежных средств для того чтобы, например, распорядиться ими для проведения капитального ремонта или использовать для дополнительного благоустройства общего имущества, право брать кредит в банке, как отмечают эксперты, это лучшая возможность контролировать расходы и защита проживающих перед исполнителями услуг.

Часть 1 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» устанавливает, что некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [4]. С введением в действие Жилищного кодекса РФ от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ отношения по поводу создания и деятельности товариществ собственников жилья, прав и обязанностей их членов регулируются жилищным законодательством (п. 9 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ).

Как известно, ранее эти вопросы регулировались законодательством о кондоминиумах и товариществах собственников жилья (т. е. Федеральным законом от 15.06.1996 г. № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья» [5]), который утратил силу с 1 марта 2005 года.

Современное жилищное законодательство состоит из Жилищного кодекса РФ и других федеральных законов, которые приняты в соответствии с ЖК РФ, также к законодательству относятся изданные в соответствии с ЖК РФ и Федеральными законами указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной

власти, акты субъектов Российской Федерации и нормативно-правовые акты органов местного самоуправления.

Последнее означает, что в соответствии с Конституцией РФ жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 5 Жилищного кодекса РФ). Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления должны соответствовать Жилищному кодексу РФ [2]. В случае несоответствия положениям Жилищного кодекса РФ норм жилищного законодательства, которые содержатся в законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актах органов местного самоуправления, применяются нормы, содержащиеся в ЖК РФ.

Отдельные вопросы создания и деятельности товариществ собственников жилья наряду с Жилищным кодексом РФ регулируются Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6]. В ч. 1 ст. 30 Конституции РФ заложена правовая основа товарищества (каждый имеет право на объединение для защиты своих интересов), а также в ч. 2 ст. 35 (каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами) [3].

Это положение статьи Конституции получает свое развитие в ч. 1 ст. 291 Гражданского кодекса РФ — собственники квартир для обеспечения эксплуатации многоквартирного дома, пользования квартирами и их общим имуществом образуют товарищества собственников жилья. В части 2 ст. 291 Гражданского кодекса РФ содержится четкое указание на специальный характер законодательства, регулирующего вопросы создания и деятельности товариществ собственников жилья [1].

Важной и основной целью создания товарищества собственников жилья является защита интересов собственников жилья, а именно обеспечение эксплуатации общего имущества, а также совместное управление этим имуществом в многоквартирном доме, владение, пользование и в установленных законодательством пределах распоряжение общим имуществом в многоквартирном доме.

Исходя из целей создания хозяйственная деятельность товариществ собственников жилья имеет свою специфику, так как в соответствии с законодательством некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую деятельность, если это служит достижению целей, ради которых она создана.

Анализ законодательства РФ показывает, что у субъектов РФ остается ряд полномочий по осуществлению дополнительной поддержки ТСЖ. В законодательстве субъектов РФ имеются примеры реализации соответствующих правовых возможностей. В субъектах РФ правовое регулирование общественных отношений, связанных с деятельностью ТСЖ, реализуется главным образом через формирование системы государственной поддержки деятельности ТСЖ. Такое регулирование осуществляется в рамках как нормативного, так и программного регулирования.

В соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» Гражданским кодексом Российской Федерации [7] определен исчерпывающий перечень организационно-правовых форм юридических лиц. В отношении некоммерческих юридических лиц законодатель в части 3 статьи 50 Гражданского кодекса определил 11 «видов» организационно-правовых форм некоммерческих организаций: потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, публично-правовые компании. Для шести из указанных «видов» организационно-правовых форм некоммерческих организаций указаны входящие в них «подвиды».

Пункт 4 части 3 статьи 50 ГК РФ сформулирован следующим образом: «Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах: ... товариществ собственников недвижимости, к которым относятся в том числе товарищества собственников жилья». Норма допускает создание юридических лиц в форме товарищества собственников жилья. Это подтверждает также то, что в Гражданском кодексе сохранена в неизменном виде статья 291 «Товарищество собственников жилья». Таким образом, товарищества собственников жилья (ТСЖ) должны рассматриваться как самостоятельная организационно-правовая форма, «подвид» товариществ собственников недвижимости.

Отказы в государственной регистрации создаваемых после 1 сентября 2014 года товариществ собственников жилья, а также необходимость изменения организационно-правовой формы ранее созданных ТСЖ на ТСН связаны с формулировкой части 2 статьи 123.12 ГК РФ: «Устав товарищества собственников недвижимости

должен содержать сведения о его наименовании, включающем слова "товарищество собственников недвижимости"...». Исходя из такой формулировки, вне зависимости от вида недвижимого имущества — здание, состоящее из нежилых помещений, многоквартирный дом, садоводческие, огороднические или дачные земельные участки и т. п., товарищества, создаваемые для совместного владения, пользования и в установленных законом пределах распоряжения имуществом, должны носить наименование «товарищество собственников недвижимости».

Такой подход законодателя к товариществам, объединяющим собственников различного вида недвижимого имущества, кардинально отличается от подхода к разным подвидам потребительских кооперативов. При аналогичном подходе разные подвиды товариществ собственников недвижимости в наименовании должны были бы содержать слова «товарищество собственников» (так же как разные подвиды потребительских кооперативов должны содержать в наименовании слово «кооператив»).

Очевидно, что «товарищества собственников недвижимости» — общее наименование (общий вид) разных юридических лиц, общим у которых является то, что они объединяют собственников недвижимого имущества, а отличным — вид недвижимого имущества (помещения в многоквартирном доме, офисные помещения, торговые помещения в нежилом здании, земельные участки, используемые для целей огородничества, и т. д.), определяющий специфические цели создания товарищества, особые требования законодательства в отношении деятельности товарищества, правового положения членов (участников) товарищества и т. д.

Специфические особенности различного вида товариществ вызывают необходимость специального законодательного регулирования их деятельности. Переименование товариществ собственников жилья в товарищества собственников недвижимости исключает товарищества из регулирования жилищным законодательством, что представляется не обоснованным.

Представляется необходимым и целесообразным внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, устанавливающие, что товарищества собственников жилья являются самостоятельной организационно-правовой формой некоммерческого юридического лица и подвигом товариществ собственников недвижимости, создаваемого и действующего в соответствии с жилищным законодательством. Кроме того, учитывая большое разнообразие в сочетании жилых и нежилых помещений в одном здании, следует установить в Гражданском кодексе

РФ в каких случаях товарищество собственников недвижимости создается в организационно-правовой форме товарищество собственников жилья и регулируется жилищным законодательством, в каких случаях товарищество собственников недвижимости регулируется Гражданским кодексом РФ, а в каких случаях собственники недвижимости вправе самостоятельно решить, нормами какого законодательства (жилищного или гражданского) будет руководствоваться товарищество в своей деятельности.

К сожалению, существуют нормативно-правовые акты, которые противоречат друг другу и имеют свои особенности в применении в отдельных регионах, так как специфика архитектуры, но и действий органов государственной власти индивидуальна. Законодателю требуется устранить недостатки путем внесения поправок и дополнений в регламентирующие документы.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть 1). — Ст. 14.
3. Конституция Российской Федерации. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 20.03.15).
4. О некоммерческих организациях: федеральный Закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.
5. О товариществах собственников жилья: федеральный Закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2963.
6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Часть первая: федеральный Закон от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. 1). — Ст. 3431.
7. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 20.03.15).

**БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ
И СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ**

Дроменко Анастасия Юрьевна
студент ИСОуП (филиал) ДГТУ,
РФ, г. Шахты

Морозова Оксана Александровна
канд. филос. наук, доцент ИСОуП (филиал) ДГТУ,
РФ, г. Шахты
E-mail: oksasha_morozova_2014@mail.ru

**AGE OF CONSENT: COMPARATIVE
AND LEGAL ANALYSIS OF THE FAMILY CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND FAMILY CODE OF UKRAINE**

Dromenko Anastasiya
student ISOU (branch) of DSTU,
Russia, Shakhty

Morozova Oksana
candidate of philosophical sciences, associate professor,
ISOU (branch) of Don State Technical University,
Russia, Shakhty

АННОТАЦИЯ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ снижения брачного возраста, как в России так и в Украине. Брак постоянно находится в процессе эволюции, на него влияют не только экономические отношения, но и государство, право, искусство, религия, мораль и нравственность. Рассматриваются развитие и изменение брачно-семейного законодательства о снижении брачного возраста. На основе проведенного сравнительного исследования сделаны рекомендации о необходимости увеличения брачного возраста.

ABSTRACT

In the article the comparative and legal analysis of decrease in age of consent, both in Russia and in Ukraine is carried out. Marriage is in process of evolution, it influence not only the economic relations, but also the state, the right, art, religion, morals and moral. Development and change of the matrimonial legislation on decrease in age of consent are considered. Conclusions of need of increase in age of consent are drawn.

Ключевые слова: брак; семья; брачный возраст; семейные отношения; общество.

Key words: marriage; family; marriageable age (age of marriage); family relations, society.

Брак признаётся законным при его заключении в органах записи актов гражданского состояния. Акты гражданского состояния — действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан. В соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» [6, с. 2] и ст. 47 Гражданского кодекса Российской Федерации [1, с. 16] актами гражданского состояния, подлежащими обязательной регистрации являются:

- рождение человека;
- заключение брака;
- расторжение брака;
- усыновление;
- перемена имени;
- смерть человека;

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) существует два условия заключения брака:

1. взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак;
2. достижение ими брачного возраста.

Особый интерес представляет второе условие — достижение брачного возраста. СК РФ закрепляет положение о том, что брачный возраст устанавливается в 18 лет [5, с. 3]. Он совпадает с возрастом наступления гражданской дееспособности гражданина в полном объеме, как это предусмотрено ст. 21 ГК РФ. Необходимо уяснить, что, лицо, не достигшее 18 лет, считается несовершеннолетним ребенком. Установленный брачный возраст обусловлен тем, что, лица, вступающие в брак, уже достигли необходимого уровня социальной зрелости.

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 13 СК РФ закрепляет возможность снижения брачного возраста при наличии определенных обстоятельств. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим 16 лет.

Таким образом, следует, что снижение брачного возраста возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые органы местного самоуправления посчитают уважительными. Как показывает практика чаще всего, в качестве уважительных причин выступает — беременность или рождение ребенка.

На основании ч. 2 ст. 13 СК РФ в виде исключения при наличии особых обстоятельств может быть разрешено вступление в брак до достижения возраста 16 лет. Порядок и условия заключения брака лицами, не достигшими 16 лет, может быть установлен законами субъектов РФ.

Субъекты Российской Федерации вправе снизить этот возраст не более чем на 2 года. СК РФ предоставляет им право в соответствующем законе устанавливать порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет.

Развитие российского семейного законодательства можно разделить на несколько этапов. Первый этап начался с 1917 года. Это был период становления так называемого «советского семейного права», первыми источниками которого были декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и от 19 декабря 1917 года «О расторжении брака». Брачный возраст здесь установлен для мужчин 18 лет, для женщин 16 лет [2, с. 3].

22 октября 1918 года был принят первый семейный кодекс — «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Характерными чертами семейного права в России было то, что утрачивалось правовое значение церковных браков, не признавалось усыновление, вводился институт судебного установления отцовства и др. Снижение или увеличение брачного возраста, в сравнении с 1917 годом не изменилось [3, с. 5].

Следующий этап, наступивший в 1926—1927 гг., характеризующийся принятием нового семейного кодекса, предусмотрел возможность признания юридической силы за фактическими брачными отношениями, установил единый брачный возраст для мужчин и женщин (18 лет). Третья кодификация семейного кодекса была проведена

в период с 1968 по 1970 годы. 27 июня 1968 года были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Затем в их развитие были приняты кодексы о браке и семье во всех союзных республиках бывшего СССР. 30 июля 1969 года был принят и введен в действие с 1 ноября 1969 года КоБС РСФСР. В соответствии с данным документом, брачный возраст для обеих сторон наступает по достижению 18 лет. Исполнительные комитеты районных, городских, районных в городе Советов народных депутатов в отдельных исключительных случаях могут снижать брачный возраст, но не более чем на два года [4, с. 5].

Последний этап начинается с 1995 года ознаменовавшийся принятием современного Семейного Кодекса РФ, который действует в настоящее время. В нем также установлен единый брачный возраст для мужчин и женщин — 18 лет.

В Украине первый Семейный кодекс был принят в 1919 г. И фактически в основу его были положены положения российского кодекса 1918 года, т. е. брачный возраст был установлен для мужчин 18 лет, для женщин 16 лет.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, о семье и опеке впервые сделал попытку урегулировать семейно-брачные стороны жизни, однако не вступил в силу в связи с событиями гражданской войны.

30 мая 1926 был принят Кодекс законов о семье, опеке, браке и актах гражданского состояния УССР. Нормы Кодекса УССР регулировали общие вопросы семьи, брака и усилили имущественные гарантии детей и женщин.

Кроме того, наряду с зарегистрированным признавался и фактический брак, который не был зарегистрирован в государственных органах и наличие которого необходимо доказать в судебном порядке. Возраст брачующихся установлен в 18 лет.

27 июня 1968 были приняты основы законодательства Союза ССР и союзных Республик о браке и семье, на базе которых был принят Кодекс о браке и семье Украины, утвержденный Законом РСФСР от 20.06.1969, который вступил в силу 1 января 1970 и действовал до принятия Верховной Радой Украины нового СК Украины как независимого и суверенного государства. Следующий Семейный кодекс Украины вступил в силу с 1 января 2004 года. Этот кодекс определяет основы брака и регулирует личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, основания возникновения, изменения личных неимущественных и имуществ-

венных прав и обязанностей родителей и детей, усыновителей и усыновленных, других членов семьи и родственников [8, с. 1].

Рассмотрев сравнительную характеристику развития семейного законодательства в Украине, можно отметить, что законопроектом в 2004 г. предлагалось установить минимальный брачный возраст единый для мужчин и женщин — 18 лет, но лишь в 2012 г. Законодательством Украины брачный возраст был установлен: для мужчин — 18 лет, для женщин — 17 лет. Кроме того, предлагалось установить исключительный минимальный брачный возраст в Украине на уровне 16 лет и только в исключительных случаях. На момент принятия изменений связанных с брачным возрастом в Украине исключительный минимальный брачный возраст был 14 лет.

Внесенные изменения в марте 2012 г. в СК Украины установил минимальный брачный возраст для мужчин и женщин. В настоящий момент для обоих он составляет 18 лет [7, с. 12]. Возраст 18 лет назван возрастом достижения психической, интеллектуальной и физической зрелости и это послужило изменениям и дополнениям внесенных в СК Украины. Важным элементом является также то, что брачный возраст для женщин в Украине не совпадает с гражданской дееспособностью, установленной ст. 34 ГК Украины [9, с. 33]/ Эта коллизия между семейным и гражданским законодательством разрешена. Изменения в ст. 23 СК Украины повысили возраст, когда наступает право на брак. По решению суда, право на брак теперь может быть предоставлено лицу, достигшему 16 лет. Право на брак может быть предоставлено судом по заявлению лица, достигшего шестнадцати лет, если будет установлено, что предоставление права на брак отвечает ее интересам. К жизненным обстоятельствам, которые могут служить основанием для предоставления лицу права на брак, в первую очередь можно отнести беременность женщины или рождения ею ребенка и наличие между сторонами фактических брачных отношений. Стоит отметить, что ранее право на брак наступало в 14 лет.

Следует отметить, что целью изменений в Семейный кодекс Украины являлось внедрение более ответственного, цивилизованного отношения подрастающего поколения к брачно-семейным отношениям, которое свойственно культурным, этническим традициям украинского общества. Согласно которым общество противостояло дальнейшему ослаблению половой морали подрастающего поколения и подмене понятий «желанность» — «возможность».

На основании сравнения СК РФ и СК Украины можно отметить, что положения о снижении брачного возраста и в одном кодексе и в другом одни и те же. СК Украины фактически закрепил положения

российского законодательства. Брачный возраст как для мужчин так и для женщин составляет 18 лет.

Законодательство Российской Федерации закрепляет возможность снижения брачного возраста при наличии определенных обстоятельств (в Украине право на брак) такая возможность предоставляется лицам достигшем 16-го возраста. Статистика свидетельствует, что ранние браки в большинстве случаев заканчиваются разводами. Причиной является то, что в раннем возрасте молодожены часто не осознают тот груз ответственности, который оказывается у них на плечах, поэтому, когда многие из них сталкиваются с суровой действительностью семейной жизни, это приводит к многочисленным ссорам и впоследствии к расторжению брака. Практика показывает, что при вступлении в брак в возрасте от 30 лет, молодожены чаще ставят на первое место собственные приоритеты, хотя стремление к стабильности, желание создать семью всё же оказываются сильнее приоритетов. В этой возрастной категории коэффициент разводов значительно меньше, чем в 16—18-м возрасте. В заключении, хотелось бы отметить, что самый оптимальный возраст для вступления в брак — 23—25 лет. Хотя совсем недавно, рекомендуемый возраст для заключения брака был установлен в 21 год, но социологические опросы определили, что лучший возраст для вступления в брак для женщин 23—25 лет, для мужчин 25—27 лет. С точки зрения авторов, брак между 23-летними людьми может быть очень перспективным. В этом возрасте обычно заканчивают учебу, определяются как личность. Полагаем, что к этим критериям нужно добавить и социальную зрелость как необходимое условие для нормальной семейной жизни и правильного воспитания детей.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч.1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2015) // Российская газета, 08.12.1994. — № 238-239.
2. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2015).
3. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2015).
4. Кодекс о браке и семье РСФСР от 1969 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. От 04.11.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета, 27.01.1996. — № 17.
6. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // Российская газета, 20.11.1997. — № 224.
7. Закон України Про внесення змін до Сімейного кодексу України щодо підвищення шлюбного віку від 15.03.2012 № 4525-17 Прийняття від 15.03.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступу. — URL: <http://rada.gov.ua/ru> (дата обращения: 03.03.2015).
8. Сімейний кодекс України Закон від 10.01.2002 № 2947-14 Редакція від 26.10.2014/. [Электронный ресурс]. — Режим доступу. — URL: <http://rada.gov.ua/ru> (дата обращения: 03.03.2015).
9. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 № 435-15 Редакція від 06.02.2015[Электронный ресурс]. — Режим доступу. — URL: <http://rada.gov.ua/ru> (дата обращения: 03.03.2015).

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Лаврентьева Татьяна Владимировна

*канд. политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Муромского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
РФ, г. Муром
E-mail: lavrentevtatyana@yandex.ru*

Скрипникова Елена Сергеевна

*студент 5-го курса юридического факультета Муромского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
РФ, г. Муром
E-mail: lenusya0211@yandex.ru*

Скрипников Игорь Константинович

*студент 5-го курса юридического факультета Муромского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
РФ, г. Муром
E-mail: sckripa91@mail.ru*

LICENSING OF ACTIVITY ON THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS

Lavrentyeva Tatyana

candidate of political sciences, the associate professor of civil disciplines of the Murom institute (branch) of federal public budgetary educational institution of higher education "The Vladimir state university of Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovykh", Russia, Murom

Sckripnikova Elena

student of the 5th course of law department institute (branch) of federal public budgetary educational institution of higher education "The Vladimir state university of Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovykh", Russia, Murom

Sckripnikov Igor

student of the 5th course of law department, Russian Federation, Murom institute (branch) of federal public budgetary educational institution of higher education "The Vladimir state university of Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovykh", Russia, Murom

АННОТАЦИЯ

В статье дается критический анализ норм X раздела Жилищного кодекса РФ, который вступил в силу с 1 сентября 2014 года, посвященный лицензированию деятельности по управлению многоквартирными домами.

ABSTRACT

The article provides a critical analysis of provisions of section X of the housing code, which entered into force on 1 September 2014, which focuses on the licensing of activities in the management of apartment buildings.

Ключевые слова: лицензирование; раздел ЖК РФ; управляющие организации; лицензия; лицензионная комиссия.

Keywords: the licensing; section of the housing code; the management companies; the license; the licensing Commission.

Жилищный кодекс РФ претерпел существенное изменение. Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»

Федерации» [2] был дополнен разделом «Лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами». Федеральный закон вступил в силу 1 сентября 2014 года.

Сфера деятельности по управлению многоквартирными домами в последнее время имеет большой резонанс не только в обществе, но и на законодательном уровне. Из-за необоснованности роста цен и проблем, существующих в сфере ЖКХ, депутаты Государственной Думы предложили ввести лицензирование, что является одной из жестких мер государственного регулирования.

Под лицензированием деятельности по управлению многоквартирными домами понимается выполнение работ и (или) оказание услуг по управлению многоквартирным домом на основании договора управления многоквартирным домом [1].

В связи с этим определением, лицензированию будут подлежать управляющие жилищные организации, индивидуальные предприниматели, которые осуществляют деятельность по управлению многоквартирными домами.

В каждом субъекте РФ должна быть создана постоянно действующая лицензионная комиссия. Целью ее существования является обеспечение деятельности органов государственного жилищного надзора по лицензированию деятельности по управлению многоквартирными домами в субъекте РФ. Таким образом, выдаваемая лицензия на деятельность по управлению будет иметь четкие территориальные ограничения. Это означает, что рынок услуг ЖКХ станет полностью подконтролен региональным органам власти.

Проанализировав раздел X ЖК РФ, посвященный лицензированию, можно сделать вывод, что имеются существенные недостатки. С этим приходится столкнуться, если обратиться к норме статьи, предусматривающая бессрочность лицензии, но тут предполагается наличие у нее приложения с указанием данных о многоквартирных домах (адресов), в отношении которых лицензиат должен осуществлять управление. Лицензия без такого приложения будет недействительна.

Бессрочность лицензии подразумевает собой не ограниченную каким-либо сроком действие. При этом можно прокомментировать несколько выявленных недостатков.

На основании статьи 161 ЖК РФ органы местного самоуправления могут проводить открытые конкурсы по отбору управляющих организаций. В результате наблюдается противоречие, а бессрочность лицензии — вымысел.

Основным недостатком в разделе, считается то, что лицензию не нужно будет получать ТСЖ, жилищным кооперативам и иным

специализированным потребительским кооперативам. Данное положение вызывает немало вопросов. Наблюдается противоречие в нормах раздела ЖК РФ, поскольку лицензируется вид деятельности, а не способ управления многоквартирными домами.

В нормах раздела X ЖК РФ также не понятны требования, которые должны предъявляться к соискателям на получение лицензии. Имеются лишь оговорки о том, что их устанавливает Правительство РФ, а «должностное лицо соискателя лицензии должно иметь квалификационный аттестат».

Наряду с недостатками необходимо указать и положительную сторону данного закона. На рынке жилищно-коммунальных услуг существенно снизится число недобросовестных управляющих жилищных организаций, которые надлежащим образом не исполняют своих обязанностей по управлению многоквартирным домом. Это повысит качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг и доверие граждан.

Таким образом, из приведенного анализа норм нового раздела X ЖК РФ следует, что данный текст закона вызывает множество вопросов и неточностей. Сфера деятельности ЖКХ станет полностью подконтрольна региональным органам власти. Лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами сократит количество недобросовестных управляющих жилищных организаций.

Список литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004)//Собрание законодательства РФ. — 03.01.2005. — № 1 (часть 1). — ст. 14/ СПС «Консультант Плюс», 2015 г. (Дата обращения 15.03.2015 г.).
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. — 28.07.2014. — № 30 (Часть I). — ст. 4256/ СПС «Консультант Плюс», 2015 г. (Дата обращения: 15.03.2015 г.).

СЕКЦИЯ 3.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ОБОБЩЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРЕДМЕТ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РОССИИ С УЧЕТОМ НАКОПЛЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Зеленская Юлия Александровна

*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского гуманитарно-экономического института*

*Северо-Кавказский филиал,
Россия, г. Минеральные воды*

E-mail: zelenskaya.y@bk.ru

THE GENERALIZATION OF THEORETICAL RESEARCH ON THE SUBJECT OF CHANGING THE PRINCIPLES OF CONSTRUCTION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA BASED ON ACCUMULATED HISTORICAL EXPERIENCE

Julia Zelensky

*senior lecturer criminal law Moscow humanitarian-economic Institute
The North-Caucasian branch,
Russia, Mineral water*

АННОТАЦИЯ

Принципы построения системы видов уголовных наказаний есть ни что иное, как отражение в теории уголовного права основополагающих идей и положений, которыми руководствуются законодатели при построении системы уголовных наказаний в тот или иной исторический период законотворчества

ABSTRACT

The principles of the system types of criminal penalties is nothing, as reflected in the theory of criminal law the basic ideas and conditions that apply to legislators when building a system of criminal sanctions in a particular historical period of lawmaking

Ключевые слова: наказание; уголовный кодекс

Keywords: punishment; the criminal code

История системы уголовных наказаний России тесно связана со становлением понятий и видов уголовного наказания вообще и тюремного заключения в частности.

Проблемы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой России, во многом созвучны проблемам, стоявшим перед ней в предшествующие периоды. Поэтому изучение исторического опыта уголовно-исполнительной системы имеет важное значение как для законодательной, так и для правоприменительной практики.

Отражая общечеловеческий опыт использования принудительных мер в борьбе с преступностью, система наказаний лишена таких видов наказаний, которые состоят в причинении осужденному физических страданий, калечащих, унижающих честь и достоинство осужденного наказаний. Это отражает гуманизм уголовного закона, который, несмотря на свою репрессивную сущность, должен стремиться к возможному ограничению жестокости.

Таким образом, исторические исследования показывают следующее.

1. Возникновение и развитие уголовных наказаний было обусловлено объективными закономерностями общественного развития. В соответствии с этими закономерностями совершенствовалось законодательное регулирование системы видов уголовных наказаний, условия и порядок их назначения и применение их на практике.

2. Уголовные наказания прошли длительный путь исторического развития, который в досоциалистическую эпоху может быть условно подразделен на два больших этапа.

На первом этапе определяющими мотивами применения уголовных наказаний служили месть и устрашение. Уголовные наказания использовались не только как средство борьбы с преступлениями, но и более широко — для поддержания власти господствующих классов. Система наказаний еще не сложилась. Не было и выраженного деления наказаний на основные и дополнительные. Однако различные виды наказаний широко применялись по произволу

судей в различных сочетаниях между собой. Такая практика вызывалась стремлением ужесточить меру наказания виновному в целях устрашения, возмездия, обогащения казны и т. д. Широко использовались жесточайшие формы смертной казни, членовредительские и телесные наказания [1, с. 22]. Целями применения уголовных наказаний были намеренное причинения физических мучений и страданий виновному.

На втором этапе, в эпоху промышленного капитализма, под влиянием интенсивного развития капиталистических общественных отношений и идей просветительства и буржуазной демократии происходит некоторая гуманизация и рационализация карательной практики. История уголовного права «рисует нам картину постепенного смягчения наказаний под влиянием общего хода развития культуры. Прежние грубые формы воздействия на личность преступника смягчаются или вовсе исчезают, вместо них появляются иные, более соответствующие новой ступени культуры, покоящейся на ином, чем прежде, положении личности в государстве, новому правосознанию, дающему новую оценку отдельных правовых благ человека. Вместе с тем совершенствование человеческой психики с течением времени дает возможность обходиться без прежних грубых средств принуждения и позволяет заменить их другими мерами, могущими с большим успехом воздействовать на психику преступника» [2, с. 13].

Развитие капиталистических отношений вызывает необходимость кодификации и создания единого законодательного акта, способствующего развитию этих отношений, упорядочение и систематизацию мер уголовного наказания, установление в законе их исчерпывающего перечня.

В какой-то степени это ограничивает судейский произвол. В этот период, начиная с конца XVIII в., в буржуазном уголовном законодательстве устанавливаются системы наказаний с подразделением всех наказаний на основные и дополнительные, предусматриваются разнообразные сочетания основных и дополнительных наказаний в санкциях за конкретные виды преступлений. Тем самым впервые в уголовное право вводится понятие «дополнительное наказание» и впервые ограничивается право суда назначать сочетания различных мер наказания по своему произволу. Однако, как и прежде, роль дополнительных наказаний сводится главным образом к отягчению мер основного наказания. Превалирующее место занимают в этот период различные виды лишения свободы, ссылка, каторга, иные меры

«практической пользы», в основном имущественного характера [2, с. 12].

Как и прежде, наказания используются не только в целях борьбы с преступностью, но и как орудие подавления сопротивления трудящихся масс. Тенденция некоторого смягчения уголовной репрессии время от времени, в периоды обострения классовых противоречий и усиления классовой борьбы, сменяется резким ее обострением, отказом буржуазии от провозглашенных ею принципов законности, демократии и т. д.

3. Период после Октябрьской революции 1917 г. Также может быть разделен на два этапа: социалистический (до конца 1993 г.) и постсоциалистический (с конца 1993 г.).

Нередко, как и в досоциалистическую эпоху, те же меры, что назначались за совершение преступлений, использовались государством и в качестве орудия политической борьбы. Регламентация порядка и условий назначения видов наказаний в законодательстве отсутствовала, санкции зачастую были неопределенными или абсолютно определенными. Деление наказаний на основные и дополнительные отсутствовало, но многообразные виды наказаний применялись в различных сочетаниях между собой.

В дальнейшем, по мере накопления теоретического и законодательного материала и обогащения опыта борьбы с преступностью, происходит постепенное формирование системы уголовных наказаний, классификация их на основные и дополнительные, совершенствование их в соответствии с общими закономерностями общественного развития.

Интенсивное развитие и совершенствование общественных отношений диктуют необходимость дальнейшего развития отмеченных прогрессивных тенденций, совершенствования законодательного регулирования и практики применения уголовных наказаний на основе научных исследований и вытекающих из них рекомендаций.

Поэтому разработка теоретических основ применения уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового воздействия, совершенствование их законодательного регулирования и практики применения составляют актуальную проблему отечественного уголовного и уголовно-исполнительного права.

В доктрине современного уголовного права практически нет монографических исследований по проблеме формирования системы наказаний и принципов ее построения.

Поэтому исследование принципов построения системы видов уголовных наказаний имеет существенное как теоретическое, так и практическое значение. Принципы построения системы видов

уголовных наказаний есть ни что иное, как отражение в теории уголовного права основополагающих идей и положений, которыми руководствуются законодатели при построении системы уголовных наказаний в тот или иной исторический период законотворчества. Принципы построения системы наказаний не являются и не могут быть раз и навсегда данными основополагающими идеями (или положениями), они динамичны или изменяемы в зависимости от уголовной политики государства в борьбе с преступностью в тот или иной период его функционирования, целей наказания, религиозных, нравственных воззрений и культуры народа. Однако они совпадают в одном — всегда более или менее адекватно отражают гуманистические общечеловеческие ценности (или мировой опыт) в использовании уголовного наказания как средства борьбы с преступностью. В доктрине уголовного права попытки обобщить принципы построения системы уголовных наказаний предпринимали как представители отечественной науки уголовного права досоветского периода, так и советские криминалисты. Этому вопросу касались и зарубежные криминалисты, однако их научные суждения и рекомендации по этому вопросу нельзя считать удачными. Ведущие криминалисты досоветской России относительно принципов построения системы наказаний высказывали различные взгляды.

Современная доктрина отечественного уголовного права под индивидуализацией наказания понимает учет судом при назначении наказания конкретному подсудимому характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств.

Н.Д. Сергеевский полагал, что система наказаний должна строиться неминуемо на основе принципа равенства наказаний для всех, независимо от принадлежности к тому или иному сословию. По мнению автора, наказание на том же основании должно отличаться равенством для всех лиц; то есть размер его должен зависеть исключительно от свойств самого преступного деяния, а не от личного положения преступника; пред лицом уголовного правосудия все должны быть равны. Интересы уголовного правосудия нарушаются, если лица одного сословия за известное преступное деяние наказываются сильнее или слабее лиц другого сословия [3, с. 98].

По Российскому уголовному законодательству преступлением признается только конкретное общественно опасное действие или бездействие как внешний акт волевого поведения и не допускается ответственность за убеждения, взгляды, образ мыслей. Содержание принципа законности уголовной ответственности определяется в ст. 3

УК РФ, согласно которой преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации. Применение уголовного закона по аналогии не допускается. Развернутая доктринальная формулировка законности как принципа уголовного права дана В.Н. Кудрявцевым и С.Г. Келиной:

1. преступность, наказуемость деяния и иные уголовно-правовые последствия его совершения определяются только уголовным законом;

2. лицо, признанное виновным в совершении преступления, несет обязанности и пользуется правами, установленными законом;

3. содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом [4, с. 76].

По мнению автора, при формировании в будущем системы наказаний по уголовному законодательству России следует руководствоваться принципами:

1. Принцип гуманизма при построении системы отдельных видов уголовных наказаний заключается прежде всего в том, что при построении системы наказаний необходимо учитывать фактор воздействия наказания. В связи с этим необходимо придерживаться ряда критериев. Во-первых, исключение неопределенных и бессрочных наказания, во-вторых, наказания характеризующиеся как неоправданно жестокие, унижающие и позорящие. В-третьих, придавать значение наряду с наказанием и мерам воспитательного характера ит. д.

2. Принцип определенности каждого вида наказаний. На взгляд автора, принцип определенности каждого вида наказаний, при построении системы наказаний заключается в установлении наказаний с точным указанием их размеров и сроков, недопустимости неопределенных приговоров.

3. Принцип восстановимости наказаний. Предполагает, что в случае, если судом допущена судебная ошибка, судом возмещается ущерб (возвращение утраченного, возмещение материального ущерба, возмещение морального ущерба). Однако в системе наказаний не может реабилитироваться смертная казнь, т. к. она исключает восстановление. Не случайно смертная казнь названа в современном законодательстве исключительной мерой.

4. Принцип целесообразной и достаточной репрессивности включаемых в систему видов наказаний. Содержание данного принципа заключается прежде всего в том, что наказания, определенные в системе наказаний, должны обеспечивать целесообразное и достаточно эффективное воздействие на осужденного, с учетом содеянного,

при этом исключая моральные и физические унижения достоинства личности.

5. Принцип экономии при построении системы видов наказаний.

6. Принцип учета исторических традиций при ее построении и учета нравственных и религиозных воззрений народа.

7. Принцип справедливости при расположении в данной системе отдельных видов наказаний по признаку их тяжести.

8. Принцип расположения в системе отдельных наказаний от менее строгих к более строгим.

Принципом построения системы видов наказаний является соблюдение справедливости при определении их относительной тяжести. Понятие справедливости предполагает требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость. Различают уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости. С точки зрения принципа справедливости в системе наказаний по УК РФ 1996 г., представляется несправедливым порядок расположения видов наказаний по степени их тяжести.

Список литературы:

1. Журавлева Е. Действие уголовного закона во времени // Российская юстиция. 1996. № 10.
2. Кармановский М.С. Развитие русского уголовного законодательства в XV—XVII веках//История государства и права. 2008. № 5.
3. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы Советского уголовного права. М., 1988.
4. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1890.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации //[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (Дата обращения 15.03.15).

СЕКЦИЯ 4.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Алимов Боту Бабинович

*преподаватель кафедры «Государственное право и управление»
Ташкентского государственного юридического университета
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан г. Ташкент
E-mail: bw10w2969@mail.ru*

EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN QUESTIONS OF MUTUAL RELATIONSHIPS OF THE PRESIDENT AND THE GOVERNMENT

Alimov Botu

*teacher of the chair «State law and management» at the Tashkent State Law
University of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan,
Republic of Uzbekistan, Tashkent*

АННОТАЦИЯ

Взаимоотношения Президента и правительства являются актуальным вопросом во всем мире, на который особое внимание обращают и ученые- политологи, и праведы, так как этот вопрос является важным показателем как форма правления в стране, порядок формирования и деятельность органов государственной власти, правовой статус Правительства и его место в механизме власти, а также правовой статус и полномочия главы государства и руководителя правительства. Задача статьи — это разработка и внедрение комплексных предложений по совершенствованию на основе изучения зарубежного опыта.

ABSTRACT

The relationships of President and Government is the actual question around the world to which special attention is paid by both political scientists, and lawyers. As this subject is the important indicators as a form of governing in a country, procedure for formation and activity of public authority's bodies, legal status of Government and its place in the power mechanism as well as legal status and powers of head of the state and head of Government. The task of this article is to elaborate and introduce comprehensive proposals on improvement based on studying foreign experience.

Ключевые слова: Конституция; взаимоотношения; президент; правительство; форма правления; формирование органов государственной власти; главы государства; руководитель правительства.

Keywords: Constitution; relationships; president; government; form of governing; formation of public authorities; head of the state; head of government.

В странах, где установлена республиканская форма правления, взаимоотношения между главой государства — Президентом и высшим органом исполнительной власти, т. е. правительством, является актуальной проблемой, на которую особое внимание обращают и ученые политологи, и государствоведы.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению зарубежного опыта взаимоотношений Президента и правительства. Эту ситуацию можно обосновать следующим образом. В разных странах мира государственное правление установлено своеобразно, т. е. в некоторых из них Президент имеет символический статус в жизни государства и не играет почти никакую роль в жизни страны и общества. В некоторых странах Президент имеет реальные полномочия (особенно в сфере исполнительной власти), а правительство служит коллегиальным органом, способствующим осуществлению государственной политики Президентом. В ряде государств власть носит дуалистический характер, в составе Президента и глава правительства, их роль в жизни страны и воздействие на механизм государственной власти связаны с положением политических сил в парламенте.

Из практики зарубежной государственности известно, что во многих случаях взаимоотношения Президента и правительства обеспечивается участием главы государства в деятельности правительства. Потому, что «Традиционная характеристика главы государства в качестве исполнительной ветви власти является спорной,

но глава государства безусловно участвует в осуществлении исполнительной власти» [8, с. 209].

Участие главы государства в осуществлении исполнительной власти может быть в разных формах. Самое распространенное из них — это участие Президента в процессе формирования правительства и изменения его состава. Данное полномочие Президент осуществляет в единоличном порядке, или может осуществить только посредством подписания юридических документов.

Самая простая форма участия Президента в деятельности правительства — это регулярное информирование правительством главы государства о ситуации в стране. Такой порядок имеется во всех странах мира, даже в странах мусульманского фундаментализма, а также в странах Европы, где глава государства является «слабым» Президентом и его значение связано с формой правления, установленной в стране.

Активный вид участия Президента в деятельности исполнительной власти — это председательствование его на правительственных заседаниях и принятие нормативных документов. Данные полномочия Президента могут быть официальными, а в некоторых случаях организационными. Это, конечно, связано с правовым статусом Президента и формой государственного правления. В некоторых странах Президент имеет полномочия отменять правовые документы, принимаемые правительством.

Когда речь идет о взаимоотношениях Президента и правительства в зарубежных странах, в первую очередь, особо необходимо остановиться на участии Президента в формировании правительства. Без сомнения, в практике изучаемых государств между главой государства и правительством могут возникнуть такие конституционно-правовые отношения, которые осуществляются не в предусмотренном Конституцией и законодательством порядке.

Рассматривая процесс формирования правительства на примере США, автор сталкивается со своеобразной особенностью, т. е. США, являясь классическим примером Президентской республики, где в соответствии с Конституцией Президент одновременно является главой исполнительной власти. Правительство в США в отличие от других государств формируется не как коллегиальный орган, нет понятий «совет министров» или «кабинет министров» и не существует должности руководителя правительства. В США обязанности правительства выполняет администрация Президента (консультативный орган). Министры администрации Президента являются одновременно его советниками. В качестве главы исполнительной власти Президент

США управляет целым исполнительным аппаратом страны. Он назначает с «согласия Сената» большую часть высших должностных лиц федерального значения.

В отличие от практики США правительство Франции — Совет Министров (состоит из 15 человек, из них 7 — женщин [7, с. 440]) является коллегиальным органом. Во Франции действует смешанная (полупрезидентская) форма правления, она характеризуется наличием дуализма в исполнительной власти, а именно: в стране исполнительная власть принадлежит и Президенту, и правительству. Существенным является то, что Правительство действует в двух формах: как Совет министров и как кабинет министров. Совет министров заседает под председательством Президента и решает наиболее важные вопросы государственной жизни. Решение заседаний Совета министров принимаются в форме Ордонанс, его подписывает Президент.

Кабинет министров заседает под председательством Премьер-министра и рассматривает вопросы текущей деятельности, документы, принятые на заседании, подписываются Премьер-министром.

В соответствии с Конституцией Франции, Президент назначает Премьер-министра и на основании его заявления освобождает от должности. По представлению Премьер-министра назначает других членов правительства. Во Франции при назначении на должность главы правительства не нужно согласие Парламента. Однако Президент обязан учесть мнение политических сил в Парламенте по данному вопросу, так как после назначения Президентом Премьер-министр представляет программу деятельности правительства Парламенту, затем перед нижней палатой Парламента ставит вопрос доверия (вотум доверия) по отношению к правительству. В случае неодобрения парламентом данной программы правительства, Премьер-министр обязан представить Президенту заявление об отправке правительства в отставку. Существенно то, что если отсутствует заявление Премьер-министра об отставке правительства или Парламент не выразил правительству вотум недоверия, то Президент по собственному желанию не имеет полномочий отправить в отставку правительство.

Еще одна смешанная (полупрезидентская) республика — это Российская Федерация. Рассматривая процесс формирования правительства на практике Российской Федерации, можем убедиться, что в этом государстве форма правления основана на сильной Президентской власти, так как по Конституции Председатель правительства с согласия Государственной думы назначается Президентом. Однако нецелесообразно считать значимой роль Государственной

думы в данной ситуации. Президент может одобрить ту кандидатуру, которую предложил сам. Причина в том, что если кандидатура, предложенная Президентом, отклоняется три раза Государственной думой, Президент назначает Председателя правительства, распускает Государственную думу и назначает новые Парламентские выборы.

В России, как и во Франции, члены правительства по представлению Председателя правительства назначаются Президентом. В этой ситуации представление Председателя правительства о назначении членов правительства является обязательным условием. Однако в данном процессе участие Председателя правительства имеет номинальный характер.

Правительство России уходит в отставку в следующих ситуациях: на основе заявления об отставке правительства, если данное заявление принято Президентом; по инициативе Президента; если Государственная дума выражает вотум недоверия; если Государственная дума уклоняется от принятия вотума доверия. В последних двух случаях Глава государства принимает решение об отставке правительства или распускает Государственную думу. «Во всех этих случаях, ... Правительство РФ по поручению Президента РФ продолжает действовать до формирования нового Правительство РФ» [1, с. 616].

Если рассматривать процесс формирования правительства на примере Итальянской Республики, то согласно Конституции этого государства Президент назначает Председателя правительства (Совета Министров) и по его представлению министров. Однако на самом деле состав правительства отражает расстановку политических сил в парламенте и представляет собой компромисс между несколькими наиболее влиятельными политическими партиями [4, с. 330]. Президент Италии проводит «консультации» с председателями палат Парламента, руководителями фракций Парламента, секретарями Политических партий, экс Президентами, после чего определяет кандидатуру, способную сформировать новое правительство.

В большинстве случаев в качестве данной кандидатуры избирается лидер коалиции политических партий в Парламенте. Если рассматривать вопрос отставки правительства Италии, то согласно 94 статье Конституции в случае выражения вотума недоверия парламента правительство может уйти в отставку [2, с. 289]. Однако, на практике в Италии из-за происходящих правительственных кризисов и в результате этого отставка правительства происходит во многих случаях не в результате вотума недоверия, а наоборот, правительство не поддерживается большинством Парламента и по собственному желанию уходит в отставку.

В ФРГ правительство формируется Парламентским путем, его состав полностью зависит от мнения Бундестага (нижней палаты Парламента). Согласно Основному закону ФРГ, Председатель правительства — Федеральный канцлер по представлению Федерального Президента избирается Бундестагом. Федеральные министры по представлению Федерального канцлера назначаются Федеральным Президентом. На практике Федеральный Президент предлагает на пост Федерального канцлера страны ту кандидатуру, которое предложено партией или коалицией партий, получившей большинство мест на выборах в Бундестаг. Значение Федерального канцлера в жизни страны заметно выше, чем Федерального Президента. Как отмечает немецкий политолог К. Бауме: «политическое значение должности Президента сказывается больше в формировании политического стиля и в осуществлении представительской функции ее обладателя, чем в его компетенции» [9, с. 417].

Как и большинство парламентарных республик, в ФРГ Президент не имеет полномочий отправить в отставку правительство по собственному желанию. Правительство может уйти в отставку в следующих случаях: со стороны Бундестага выражается вотум конструктивного недоверия по отношению к Федеральному канцлеру; при обращении Федерального канцлера в Бундестаг для рассмотрения вопроса вотума доверия по отношению к нему. Если Бундестаг не выражает доверие, Федеральный канцлер может сдать заявление об отставке, продолжить свою деятельность или предложить Федеральному Президенту о роспуске Бундестага.

Как упоминалось выше, США является классическим примером Президентской республики, там отсутствуют понятия коллегиальной ответственности правительства, вотум недоверия по отношению к правительству, а также отставка правительства, так как только Президент является ответственным за деятельность исполнительной власти.

Заседания правительства США (Администрация Президента) проводится под председательством Президента, решение по вопросам повестки дня принимаются в единоличном порядке Президентом. На практике США были и такие случаи, несмотря на возражения всех членов на правительственных заседаниях по решению определенного вопроса, Президент принимал данное решение. Причина в том, что правительство США не коллегиальный орган, оно не имеет полномочий издавать правовые документы от своего имени. Если Президент является единой главой исполнительной власти, то это не значит, что он свободно осуществляет свои права, так как неко-

которые полномочия, осуществляемые Президентом, требуют сотрудничества с Парламентом.

Как отмечали ранее, «во Франции существует дуализм исполнительной власти. Ее осуществляет президент Республики и правительство» [7, с. 437]. Однако, кто из них будет свободно осуществлять свою деятельность зависит от положения политических сил в Парламенте. Существенно, что Президент не имеет официального права законодательной инициативы, данное право он осуществляет через правительство или депутатов своей партии.

Одна из особенностей, связывающих Президента и правительство во Франции — это наличие института Контрасигнатура. Конституцией Франции регламентируется необходимость контрасигнации большинства документов Президентом, Премьер-министром и по необходимости ответственным министром. Полномочия Президента, не подлежащие контрасигнации, считаются полномочиями, исходящие из значимости арбитражной функции, в них входит назначение Премьер-министра, выступление с инициативой проведения Референдума, роспуск Парламента и другие. Если обратить внимание на мировой опыт, именно в странах, где имеется институт Контрасигнатуры, наблюдается высокое положение Правительства. Сравнивая режим во Франции с архитектурным сооружением, М.Дэбре подчеркнул, что «Президент является замком этого свода» [3, с. 77].

Рассматривая взаимоотношения между Президентом и правительством, в Российской Федерации, то можем отметить, что форма государственного управления в России основана на сильной Президентской власти и выражаются наличием лидерских способностей главы государства в данных правовых отношениях. Это можно объяснить еще и тем, что в отличие от ряда полупрезидентских республик в России нет института Контрасигнатуры, а это в свою очередь, при осуществлении исполнительной власти и организации деятельности правительства, укрепляет приоритетную позицию Президента над председателем правительства.

Действительно, Президент России имеет право председательствовать на заседания правительства и Президиума правительства, а также Правительство России ответственно перед Президентом и снимает с себя полномочия перед новоизбранным Президентом. Правительство России ведет свою деятельность, в частности, на основе указов Президента, председатель правительства определяет на основании указов Президента основные направления деятельности правительства. Правительство России издаёт постановления и распоряжения, основная часть данных документов обговаривается с главой государства через администрацию

Президента и подписывается председателем правительства. Решения и постановления правительства могут быть отменены Президентом. Удивительно то, что в отличие от Президента Франции, Президент России не имеет полномочий подписания правительственных решений.

Важная особенность отношений Президента Российской Федерации и правительства — это прямое подчинение Президенту ряда министерств и учреждений, осуществляющих исполнительскую власть. Согласно статьи 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве РФ», Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, утверждает по представлению Председателя Правительства Российской Федерации положения о них и назначает руководителей и заместителей руководителей этих органов, а также осуществляет иные полномочия как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации [6].

Рассматривая взаимоотношения между Президентом и правительством на примере Итальянской Республики, в данном государстве автор сталкивается с рядом общих особенностей, присущие всем парламентским республикам, а именно, наблюдается наличия института контрассигнатуры, более активную роль правительства, в частности, главы правительства в управлении страной по отношению к Президенту. Однако, полномочия Президента Италии намного шире, чем глав государств других парламентских республик. К данным полномочиям можно отнести полномочия в сфере законодательства, строительства государства, внешней политики.

Согласно статьи 87 Конституции Италии, Президент издает декреты, имеющие силу закона [2, с. 288]. Однако, данные документы президента должны быть контрассигнованы соответствующим министром, ответственным за них. Как и во всех парламентских республиках в Италии правительство является подотчетным перед парламентом. Но в отличии от других парламентских республик, Председатель совета министров и министры до вступления в должность приводятся к присяге Президентом Республики. Совет министров, снимая свои полномочия перед новоизбранным президентом, подает в отставку. Однако необходимо отметить, что это считается официальной «отставкой из-за уважения» не приводит к никакой

неустойчивости в стране, так как она автоматически отвергается Президентом.

Правовой статус Федерального Президента ФРГ и его положение в системе государственной власти относительно низок по отношению к Президентам ряда других парламентарных республик. Ограничение конституционных полномочий Федерального Президента в сочетании с весьма широкими полномочиями Канцлера, сложившаяся партийно-политическая система, при которой правительство выступает единым блоком с парламентским большинством, а также укоренившиеся за много лет традиции привели к тому, что Президент отодвинут с политической арены. Он не обладает ни независимостью от партийной корпорации, ни чрезвычайными полномочиями, ни правом издания нормативных актов, равнозначных законам, ни сколь-нибудь серьезными средствами влияния на процесс принятия важных политических решений [5, с. 191].

Согласно статье 65 Основного закона ФРГ «Федеральный канцлер определяет основные направления политики и несет за это ответственность» [2, с. 189]. Значит, основной функцией Федерального правительства ФРГ является не только исполнение законов, но и определение направлений развития страны, разработка стратегически-политического курса. Однако не следует забывать, Федеральное правительство ведет свою деятельность на основе регламента, одобренного Президентом и утвержденного правительством. В данном регламенте закреплены полномочия Федерального Канцлера, права и обязанности Федеральных министров, порядок деятельности Федерального правительства.

В ФРГ имеется институт Контрасигнатуры, он организует основные правовые отношения между Федеральным Президентом и правительством, в других случаях Федеральное правительство ведет свою деятельность почти самостоятельно от Президента. Из практики зарубежных стран известно, что глава государства является главнокомандующим вооруженными силами данной страны, но такое положение не имеется на практике в ФРГ. Согласно Основному Закону данного государства, если в мирное время Министр обороны командует вооруженными силами, а во время объявления в стране положения обороны, командование переходит не Федеральному Президенту, а Федеральному Канцлеру.

Рассмотрев зарубежную практику в ряде стран представляющую разные формы правления, можем сделать выводы о том, что, несмотря на форму правления установленные в той или другой стране, взаимоотношение Президент и Правительство, в частности взаимоотношения

с главой правительства является важным элементом системы власти, независимо от статуса Президента, то есть, является ли он главой исполнительной власти (США), имеет ли арбитражные функции среди ветвей власти (Франция, Россия), или вовсе не входит в состав никакой власти (Италия, ГФР), и служит важным средством эффективного осуществления исполнительной власти в данной стране. Конечно, в вышеперечисленных государствах взаимоотношения между Президентом и правительством не являются с точки зрения автора идеальными. Именно система государственной власти данных стран, исторические традиции, сформированные соответственно правовому сознанию населения, имеет ряд достоинств и недостатков. Поэтому, основной целью данного научного исследования является не копирование вслепую практику этих стран, а подробный анализ тех сторон, являющихся эффективным и отражения их в законодательстве и на практике.

Список литературы:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., Норма ИНФРА-М, 2011. — 616 с.
2. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. М., “Infotropic media”, 2012. — 289 с.
3. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность. Минск., ИСПИ, 2003. — 77 с.
4. Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран. М.: Изд. «КДУ» 2011. — 330 с.
5. Урьяс Ю.Л. Механизм государственной власти в ФРГ / Отв. ред. Крылов Н.С.; АН СССР, Институт государства и права. М.: Наука, 1988. — 191 с.
6. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160097/
7. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М., Норма ИНФРА-М, 2010. — 437—440 с.
8. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовые исследование. М., Норма ИНФРА-М, 2010. — 209 с.
9. Väyме К. Das politische System der BRD. München: Piper, 1993. — 417 s.

СЕКЦИЯ 5.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ

Искевич Ирина Сергеевна

*канд. юрид. наук, исполняющая обязанности
заведующего кафедрой «Международное право»,
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»,
РФ, г. Тамбов
E-mail: Irina_77707@list.ru*

Белов Андрей Сергеевич

*канд. военных наук магистрант кафедры «Международное право»,
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»,
РФ, г. Тамбов*

LEGAL ANALYSIS OF INSTITUTE OF CONSULAR PRIVILEGES AND IMMUNITIES

Irina Iskevich

*head of the department International law,
candidate of jurisprudence, Tambov State Technical University,
Russia, Tambov*

Andrew Belov

*candidate of military sciences Undergraduate
Tambov State Technical University,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правовому исследованию института консульских привилегий и иммунитетов, их отличительным признакам. Главным образом рассматривается Венская конвенция о консульских

сношениях 1963 г. как главный источник кодификации консульских иммунитетов и привилегий. За пределами Российской Федерации все больше увеличивается число российских консульских учреждений. В связи с этим остается актуальным вопрос изучения консульских иммунитетов и привилегий. Авторы изучают правовую природу консульских учреждений, статус консульских служащих и их семей, виды консульских иммунитетов и привилегий.

ABSTRACT

The article is sanctified to legal research of institute of consular privileges and immunities, their distinguishers. The Vienna convention on the consular intercourses of 1963 as the main source of codification of consular immunities and privileges is mainly considered. Outside the Russian Federation the number of the Russian consular establishments increases more and more. In this regard there is actual a question of studying of consular immunities and privileges. The author studies the legal nature of consular establishments, the status of consular employees and their families, types of consular immunities and privileges.

Ключевые слова: консульские учреждения; консульские служащие; консульские привилегии и иммунитеты; международное право; государство; Венская конвенция.

Keywords: consulate; consular privileges and immunities; state.

В Российской Федерации открываются новые дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, так же как и за ее пределами увеличиваются дипломатические и консульские учреждения Российской Федерации. Эти новые моменты в консульских отношениях и договорной практике России и других государств, в том числе и по вопросам консульских привилегий и иммунитетов, настоятельно требуют всестороннего изучения [2, с. 2].

В соответствии с п. 1 статьи 1 Федерального закона от 05.07.2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» «консульская деятельность осуществляется в целях защиты прав и интересов Российской Федерации, принятия Российской Федерацией мер к тому, чтобы граждане Российской Федерации и российские юридические лица пользовались за пределами Российской Федерации правами, установленными Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, участниками которых являются Россий-

ская Федерация и государство пребывания, законодательством Российской Федерации и законодательством государства пребывания» [6].

Как известно, термин «иммунитет» происходит от латинского “immunitas”, что означает «освобождение, избавление от чего-либо». В юридической практике чаще всего имеется в виду освобождение от ответственности [5, с. 81].

Консульский иммунитет является одним из ведущих институтов международного права. Нарушение иммунитета представителей иностранного государства расценивается как существенное причинение вреда его интересам. Нарушение иммунитета способно не только осложнить взаимоотношения между государствами, но и нанести ущерб репутации принимающего государства.

Мнение об идентичности понятий «иммунитета», «привилегий» и «преимуществ» в теории права сложилось не случайно. Венская конвенция не содержит четких критериев отнесения тех или иных послаблений в деятельности работников консульских учреждений к «иммунитету», «привилегии» или «преимуществу». Действительно, грань между этими понятиями очень тонка, а в ряде случаев едва отлична. Вот почему зачастую «привилегии» и «преимущества» считают синонимичными понятиями.

Что касается «иммунитета», то это понятие, в первую очередь, связывается с особым порядком наступления уголовной ответственности. В связи с чем, «привилегии» и «преимущества» представляются в качестве дополнительных льгот к предоставленному иммунитету.

Венской конвенцией разделяются преимущества, привилегии и иммунитеты, предоставляемые консульским учреждениям, штатным консульским должностным лицам и работникам консульского учреждения. К числу привилегий и преимуществ консульских учреждений Венской конвенцией отнесено пользование государственной символикой. Государственный флаг может быть вывешен, а государственный герб укреплен на зданиях, занимаемых консульским учреждением, а также на средствах передвижения [3].

Государство пребывания оказывает содействие представляемому государству в обеспечении подходящим помещением для размещения консульского учреждения и его работников. При этом консульским помещениям предоставляется статус неприкосновенности. Власти государства пребывания не могут вступать без согласия главы консульского учреждения в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для его работы. Исключения составляют случаи, требующие принятия безотлагательных мер защиты, такие как пожар, стихийное бедствие и иные происшествия [3].

Следует отметить, что обязанность к принятию всех надлежащих мер для защиты и предотвращения нарушения спокойствия консульского учреждения, лежит на государстве пребывания. Этот принцип не теряет своей актуальности и в настоящее время. Часто политические осложнения сопровождаются различного рода агрессивными акциями, протестными движениями у зданий консульских учреждений тех государств, политика которых подвергается критике.

Дополнительно консульские помещения освобождаются от всех государственных, районных и муниципальных налогов, сборов и пошлин, за исключением тех, которые взимаются за предоставление конкретных видов обслуживания [3].

Свобода передвижений и путешествий для работников консульских учреждений по территории государства пребывания ограничивается лишь правилами о зонах, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям государственной безопасности [4, с. 97].

Консульская вализа (дипломатическая почта, к которой относится, в том числе, сумка, пакет, конверт) не подлежит ни вскрытию, ни задержанию. Исключение составляют лишь случаи, когда государство пребывания имеет веские основания полагать, что консульская вализа содержит нечто иное, кроме корреспонденции, документов или предметов, предназначенных для официального пользования. При отказе сотрудников представляемого государства вскрыть вализу, она возвращается в место отправления. Личной неприкосновенностью, включающей запрет на арест или задержание, пользуется и консульский курьер.

К числу привилегий консульских должностных лиц Венская конвенция относит право беспрепятственных контактов с гражданами представляемого государства. В целях облегчения выполнения консульских функций в отношении граждан представляемого государства, консульским должностным лицам предоставлено право свободно сноситься с гражданами представляемого государства и иметь доступ к ним [3].

Венская конвенция содержит положения об уголовно-правовом иммунитете консульских должностных лиц и консульских служащих. Они не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций [1, с. 28].

Таким образом, только иммунитет от юрисдикции в отношении действий, совершенных консульским агентом при исполнении своих функций, действует неограниченное время.

Венской конвенцией регламентирован и порядок преодоления консульского иммунитета. Это означает, что при определенных обстоятельствах снимается препятствие для наступления уголовной ответственности. К таким обстоятельствам, в первую очередь, относится отказ аккредитующего государства от предоставленных работнику консульского учреждения иммунитетов, указанных в статьях 41 (личная неприкосновенность), 43 (иммунитет от юрисдикции) и статье 44 (обязанность давать показания). Право такого отказа принадлежит только представляемому государству и он должен быть ясно выражен и направлен в письменном виде государству пребывания [3].

Аннулирование экзекватуры (разрешения государства пребывания на исполнение служебных функций) также допускает наступление уголовной ответственности за совершенное преступление. Хотя последнее обстоятельство является разновидностью отказа страны пребывания считать лицо консульским служащим [3]. Таким образом, в международном праве существуют устоявшиеся тенденции предоставления уголовно-правового иммунитета консульским служащим, равного по объему и пределам действия иммунитету дипломатического агента.

Список литературы:

1. Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. М., 1998. — 135 с.
2. Алексиева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. — 25 с.
3. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года. // Сборник международных договоров СССР, вып. XLV. М., 1991. — С. 124—147.
4. Джон Вуд и Жан Серре. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. М.: Прогресс, 1976. — 401 с.
5. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. М.: Волтерс Клувер, 2005. — 517 с.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 2010 года № 154-ФЗ г. Консульский устав Российской Федерации // Российская газета от 07.07.2010 г. № 5226.

СЕКЦИЯ 6.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЯХ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права
Филиала Российского государственного гуманитарного университета
в г. Великий Новгород,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

ON THE ISSUE OF PUBLIC HEARINGS

Andreeva Lybove

*candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, head. the Department of private law
branch of Russian state University for Humanities in Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена порядку организации публичных слушаний, оформлению результатов слушаний и реализации итогов публичных слушаний, разрешению конфликта интересов публичных слушаний.

ABSTRACT

The article is devoted to the organization of public hearings, the results of the hearings and the implementation of the outcome of the public hearing, the resolution of the conflict of interest of public hearings.

Ключевые слова: конфликт интересов; публичные слушания; местное самоуправление; порядок; протокол; организационные меры.

Keywords: conflict of interest; public hearings; local government; procedure; Protocol; organizational measures.

Институт публичных слушаний предусмотрен ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] в качестве одной из форм непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Основной целью публичных слушаний является обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Публичные слушания проводятся следующими субъектами инициативы: населением, представительным органом или главой муниципального образования. В соответствии с законом на публичные слушания в обязательном порядке должны выноситься проекты таких актов, как устав муниципального образования, планы и программы его развития, местный бюджет, правила землепользования и застройки, планировка территорий, а также ряд других важнейших вопросов, касающихся жизни муниципального образования. Вместе с тем, публичные слушания также предусмотрены ст. 28 Градостроительного кодекса Российской Федерации [1]. Таким образом, применение различных процедур обсуждения проектов общественно значимых решений особенно важно именно на муниципальном уровне, как приближенном к населению уровне публичной власти. Однако на практике встречается формальное отношение к публичным слушаниям со стороны органов и должностных лиц местного самоуправления.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ [3], предусматривающим обязательное проведение публичных слушаний, слушания проводятся довольно часто, но наблюдается подмена цели их проведения: вместо объективного обсуждения проблем они используются для формального одобрения заранее определенных решений. Порядок организации и проведения публичных слушаний регулируется в ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] лишь в самых общих чертах, поэтому ведущую роль в правовом регулировании этого вопроса играют муниципальные правовые акты. В связи с тем, что главной целью публичных слушаний являются выявление и учет мнений жителей муниципального образования, в качестве критерия оценки муниципальных правовых актов о публичных слушаниях рассматривалась возможность проведения объективного обсуждения проектов. Вместе с тем, в ходе анализа порядка и практики применения норм о публичных слушаниях автор отмечает следующее:

Во-первых, это — процедура публичных слушаний. В большинстве муниципальных образований публичные слушания организуются стандартно — в форме собраний, на которые приглашаются эксперты,

представители общественности, депутаты и должностные лица органов местного самоуправления, представители средств массовой информации и заинтересованные граждане. На слушания выносятся вопросы, различающиеся по содержанию и уровню общественной значимости, а, следовательно, одни, публичные слушания вызывают больше интереса и участия граждан, чем другие. Сравним, например, уровень интереса при обсуждении строительства объекта «Культурного центра» или проекта бюджета муниципального образования на следующий год. Существующая нормативная база унифицированного порядка публичных слушаний в муниципальных образованиях не позволяет варьировать процедуру их проведения в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса, что сделало слушания формальными. Интерес представляет опыт муниципальных образований, где положения о публичных слушаниях предполагают вариативность форм их проведения. Вместе с тем, такая вариативность может послужить источником споров о законности результатов публичных слушаний, проведенных в муниципальном образовании.

Во-вторых, в процедуре назначения публичных слушаний субъекты инициативы находятся в неравном положении. Если инициаторами слушаний выступают граждане, то реализация их права на проведение слушаний не имеет достаточных гарантий. В большинстве случаев, при организации публичных слушаний по инициативе населения, усматривается двойное толкование, расплывчатые формулировки, позволяющие отказывать инициативной группе граждан в проведении публичных слушаний. Следует урегулировать вопросы, по которым может быть отказано в проведении публичных слушаний. Обращения в суд в связи с отказом в проведении публичных слушаний малоэффективно, и в определенной мере ограничивает права населения на местное самоуправление [2].

В-третьих, важным звеном в процессе проведения публичных слушаний является процедура формирования и состав оргкомитета по проведению публичных слушаний. Этот вопрос не в полной мере регулируется положениями о публичных слушаниях. Например, если оргкомитет формируется в целом из муниципальных служащих, то с большой вероятностью можно предположить, что на слушаниях будет преобладать позиция муниципалитета. Следовательно, необходимо урегулировать состав оргкомитета, предусмотрев, чтобы лица, замещающие государственные должности, должности государственной гражданской службы, муниципальные должности, должности муниципальной службы, не должны составлять более половины

состава оргкомитета (пример формирования избирательных комиссий различных уровней).

В-четвертых, значительное влияние на ход публичных слушаний оказывает определение перечня лиц, приглашенных для участия в публичных слушаниях. Данный вопрос обычно не регулируется муниципальными правовыми актами о публичных слушаниях. В связи с чем, в положениях о публичных слушаниях следует закрепить норму о том, что при определении круга лиц, приглашенных для участия в публичных слушаниях, оргкомитет должен исходить из принципа плюрализма мнений по обсуждаемому вопросу.

В-пятых, существенную роль при проведении публичных слушаний представляет собой выбор времени их проведения. В положениях муниципальных образований о времени проведения публичных слушаний наметилось две тенденции: либо публичные слушания проводятся только в рабочее время, либо допускаются их проведение во вне рабочее время. Выбор того или иного времени связан с учетом мнения заинтересованных сторон, то ли для служащих органов местного самоуправления или для граждан. Представляется, что публичные слушания проводятся именно для граждан, поэтому обоснованным представляется проведение слушаний во вне рабочее время или в выходной день.

В-шестых, законодатели на местном уровне стремятся в порядке проведения публичных слушаний установить отдельные ограничения либо запреты, искусственно препятствующие участию граждан в организации и проведении публичных слушаний. В частности, указываются условия предварительной записи на выступление в ходе проведения слушаний в форме собрания, дублируются устные выступления письменными предварительными предложениями, требуются недюжинные знания приемов юридической техники. В связи с чем, граждане теряют интерес к слушаниям, слушания представляют собой совещание работников администраций, на котором граждане лишены слова и возможности указать свое мнение по обсуждаемому вопросу.

В-седьмых, следует отметить способы фиксации хода обсуждения и результатов слушаний. Необходимый итоговый документ (заключение, рекомендации) подменяется протоколом проведения слушаний, который заполняется в достаточно сокращенном варианте, процесс обсуждения, а главное — сущность вопросов — не фиксируются, процедура подготовки заключений не регламентируется. Ответы на вопросы участников слушаний организаторы не раскрывают, видео- и аудиозапись не проводится. Таким образом, на практике по итогам слушаний оргкомитет составляет заключение, не отражающее

все мнения. В этом случае публичные слушания утрачивают доверие граждан к институту местного самоуправления в целом.

В-восьмых, граждане, попытавшиеся оспорить процесс проведения публичных слушаний и принятое по итогам слушаний заключение либо рекомендации, используя местное законодательство, в суде зачастую не могут подтвердить показаниями свидетелей, что в ходе слушаний граждане вносили отдельные предложения, либо предлагали отказаться, например, от строительства промышленного объекта с определенным уровнем опасности. Аудиозапись, сделанная гражданами в ходе слушаний как доказательство не принимается судом, а администрация не предусмотрела такую запись, как обязательную форму закрепления результатов слушаний.

В-девятых, по-прежнему информация для населения муниципального образования о проведении слушаний остается недоступной, в том числе необходимо предусмотреть интернет-обсуждения вопросов, выносимых на публичные слушания, а также предложений, указанных населением в своих интернет сообщениях. Интернет-форма позволит учесть все мнения, поступившие на электронный адрес администрации, в том числе решить вопрос участия во времени, указав сроки обсуждения. При проведении публичных слушаний всем их участникам должны быть предоставлены равные возможности для выражения своего мнения [3].

В-десятых, представляется, что обсуждение некоторых вопросов публичных слушаний требует информирования со стороны специалистов и экспертов. Определенная часть муниципальных служащих считает, что они способны заменить экспертов и специалистов, тем самым подменяют мнение профессионалов собственным. В результате таких действий, могут быть приняты решения с многочисленными ошибками в градостроительстве и архитектуре, защите культурных ценностей либо утрате исторического ландшафта.

Таким образом, участие населения в осуществлении местного самоуправления возможно как в непосредственной форме, так и через представителей. Одной из относительно новых форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления является институт публичных слушаний, представляющий перспективный путь развития гражданского общества и демократии.

Автор полагает, что, несмотря на обязательные условия проведения публичных слушаний: заблаговременное информирование жителей о предстоящих публичных слушаниях (публикация в источнике официального опубликования нормативных правовых актов органов местного самоуправления с указанием времени и места

проведения публичных слушаний или размещение информации на официальном сайте в сети Интернет), предоставление возможности жителям ознакомиться с проектом муниципального правового акта и принять участие в слушаниях, а также опубликование их результатов и учет мнения населения при принятии конкретного нормативного правового акта или решении иного вопроса, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ [3], следует разработать модельные правовые акты муниципального уровня, регулирующие институт публичных слушаний.

Список литературы:

1. Градостроительный Кодекс РФ// Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть I). — Ст. 16.
2. Конституция РФ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 20.03.15).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 20.03.15).
4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 776.

СЕКЦИЯ 7.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гашина Наталья Николаевна

*канд. юрид. наук, доцент
Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
РФ, г. Орел
E-mail: gashina2004@mail.ru*

Гашин Артем Андреевич

*студент 3 курса Орловского филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Орел
E-mail: freedomman89@mail.ru*

BASIC FORMS OF PERMISSION OF LEGAL CONFLICTS IN RUSSIAN FEDERATION

Gashina Natalya

*candidate of Law, associate professor of Oryol branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Russia, Orel*

Gashin Artem

*3rd year student of Orel branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Russia, Orel*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию форм разрешения правовых конфликтов в Российской Федерации. Путем исследования национального законодательства и научной литературы, авторами выделяется целый ряд форм. В частности, акцент делается на альтернативные формы разрешения правовых конфликтов, которые являются одной из наиболее приемлемых форм разрешения правовых споров, а также наиболее активно способствуют развитию гражданского общества в Российской Федерации.

ABSTRACT

The article investigates the forms of resolving legal conflicts in the Russian Federation. By examining the national legislation and scientific literature, authors identify a number of these forms. In particular, emphasis is placed on alternative forms of resolving legal conflicts which are one of the most acceptable forms of resolving legal disputes, as well as the most actively contribute to the development of civil society in the Russian Federation.

Ключевые слова: правовой спор; подход в разрешении правового конфликта; судебная защита; альтернативный способ разрешения конфликта.

Keywords: legal dispute; approach in resolving legal conflict; judicial protection; alternative method of resolving a legal conflict.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации предусматривают способы защиты прав человека и гражданина [1]. Очевидно, что ключевым в понимании возможности защиты прав и свобод является положение Конституции Российской Федерации о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Существует три базовых подхода в разрешении правовых споров: с позиции силы, с позиции права и с позиции интересов [8, с. 5].

Содержание подхода с позиции силы заключается в том, что одна или несколько сторон уступает за счет перевеса другой в силе. Сила может быть как физическая, так и численное или техническое превосходство, материальное положение, статус и т. д. Данный подход сопровождается быстрым принятием решения и обеспечивает достижение результата, который, как правило, удовлетворяет только

одну из конфликтующих сторон. Необходимо отметить, что подход с позиции силы имеет ряд недостатков:

- отношения между субъектами усугубляются, такой способ порождает желание отомстить, в этом случае конфликт нельзя считать разрешенным;
- сопровождается применением негуманных способов борьбы;
- отрицательно влияет на социальный климат.

Второй подход к разрешению конфликтов — с позиции права. Этот подход, как правило, характеризуется применением закона в суде. Сюда можно отнести самозащиту, государственную защиту и международную защиту прав человека, третейский суд.

Самозащита — это способ защиты, при котором лицо использует только собственные силы (специально-юридические средства), без обращения в компетентные органы. К самозащите относят как физические способы (крайняя необходимость и необходимая оборона), так и интеллектуальные способы защиты (например, обращение в СМИ). Возможность самозащиты вытекает из п. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации [1].

Государственная защита гарантируется п. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации [1]. Под государственной защитой принято понимать способ защиты прав и свобод человека, осуществляемые посредством обращения в государственные органы. Здесь принято выделять административную и судебную формы защиты. Административные формы защиты в последнее время имеют тенденцию к расширению числа специализированных органов, например, введение должности Уполномоченного по правам ребенка в РФ и появление аналогичных должностей в субъектах Российской Федерации. Судебная форма защиты гарантируется п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, осуществляется судами Российской Федерации [1].

Особую роль в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина, режима законности имеют Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Международная защита — это способ защиты прав человека и гражданина, осуществляемый посредством обращения в международные органы и организации. В п. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации указывается, что «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [1].

Третейский суд — это постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретного спора. Стоит отметить, что согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» третейские суды являются альтернативным способом разрешения споров и не входят в судебную систему РФ [2].

В российской практике самым распространенным способом разрешения конфликта является судебное разбирательство. Судебное разбирательство имеет ряд достоинств, самым весомым из которых является подкрепление принятого судебного решения авторитетом государственной власти. Однако у этой государственной формы разрешения споров есть свои недостатки. Среди основных недостатков следует назвать такие, как длительность судебного разбирательства (порой на протяжении нескольких лет), четко формализованный процесс (затрудняющий защиту прав граждан, не имеющих специальных познаний в области права), не исключена возможность проявления коррупционной составляющей в принятии судебного решения.

Вынесенное судебное решение не всегда разрешает сам конфликт, стороны конфликта, зачастую остаются врагами, покидая залы судебных заседаний. Необходимо учитывать и тот факт, что нередко решение суда, основанное на нормах права, является справедливым с позиции норм справедливости и морали.

Третий подход к разрешению конфликтов — с позиции интересов. В процессе разрешения правового конфликта стороны стараются определить, что послужило основанием для возникновения спора и, по возможности, удовлетворить интересы субъектов конфликта. Данный подход характеризуется:

- ориентированностью на справедливость, нежели на юридические законы, прецеденты;
- облегчает разрешение спора, поскольку в споре участвует непредубежденный и нейтральный посредник;
- позволяет использовать разные стили ведения переговоров;
- обеспечивает достижение между сторонами взаимоприемлемого соглашения;
- помогает восстановить и сохранить отношения между субъектами правового конфликта.

Подход с позиции интересов включает в себя такие способы разрешения правовых споров как переговоры и медиация, которые по существу являются альтернативой судебному разбирательству. Предполагается, что в свете современных социальных потребностей

в преодолении проблем доступности и эффективности государственного правосудия общая нормативная регламентация и применение на практике механизмов альтернативного разрешения правовых споров, как институтов саморегулирования общества, представляются весьма актуальными. К тому же стороны правовых конфликтов нередко в состоянии самостоятельно разрешить возникшие разногласия, прибегнув к использованию не противоречащей современному законодательству частной процедуры, по своему характеру альтернативной государственному судопроизводству.

Кроме того, государство в последние годы подчеркивает необходимость активного использования альтернативных судебному разбирательству примирительных процедур и упрощение судопроизводства по делам, не представляющим сложности при установлении фактических обстоятельств дела [7, с. 2]. В 2004 г. на VI Всероссийском съезде судей Президент РФ высказался по вопросу актуальности альтернативного разрешения споров. В частности, была отмечена необходимость всемерного развития методов, широко зарекомендовавших себя в мире, таких как: альтернативные способы разрешения конфликтов с помощью третейского разбирательства, досудебного и судебного урегулирования споров посредством переговоров, обращение к посредникам, заключение мировых соглашений [6].

Как отмечает А.М. Понасюк, под альтернативным разрешением споров в широком смысле стоит понимать прекращение правового спора в порядке, самостоятельно установленном сторонами или применяемом с согласия сторон, без вынесения государственным судом решения по существу. Альтернативные способы разрешения конфликтов не могут заменить традиционного правосудия, они существуют наряду с ним в качестве дополнительного элемента развитой правовой системы, направленной на обеспечение максимально эффективной защиты прав и свобод граждан и диспозитивность их волеизъявления. Альтернативный способ разрешения споров ни в коем случае не должен преграждать доступ к правосудию и конкурировать с ним, они должны совместно, сотрудничая разрешать правовые конфликты [5, с. 36].

Таким образом, в России альтернативными формами разрешения конфликтов являются: процедура медиации, действующая на основании № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиации)» [4] и третейские суды, действующие на основании № 102-ФЗ от 24 июля 2002 г. «О третейских судах в РФ» [3], переговоры.

Возможность применения альтернативных способов разрешения спора вытекает из п. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, где

указывается, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Очевидно, в содержании данной нормы Конституции разрешение правовых споров самими субъектами или при помощи посредника следует рассматривать как наиболее желательное для них поведение.

Представляется, что в условиях современной российской правовой системы альтернативного разрешения конфликтов, возникающих в сфере конституционных прав и свобод человека и гражданина, отвечает как частноправовым, так и публичным интересам и будет способствовать развитию важных укрепляющих элементов на пути к становлению гражданского общества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета от 25 декабря 1993 г.; СЗ РФ. — 2009. — № 4. — Ст. 445; 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // СЗ РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1; 2014. — № 6. — Ст. 551.
3. О третейских судах в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3019; 2011. — № 48. — Ст. 6728.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // 2010. — № 31. — Ст. 4162; 2013. — № 27. — Ст. 3477.
5. Понасюк А.М. Актуальность альтернативного разрешения правовых споров в современной России // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. — 2009. — № 2(13). — С. 36—41.
6. Путин В.В. Вступительное слово Президента России В.В. Путина на VI Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.ssrfr.ru/page/846/detail/> (дата обращения 17.02.2015).
7. Фоков А.П. Правосудие и об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) // Российский судья. — 2010. — № 10. — С. 2—3.
8. Штепан П. Альтернативные способы разрешения конфликтов // Право и экономика. — 2005. — № 2. — С. 5—9.

СЕКЦИЯ 8.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Дядюн Кристина Владимировна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ВФ РТА,

РФ, г. Владивосток

E-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru

REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR MURDER BY MOTHER OF THE NEWBORN CHILD: THE RATHER-LEGAL ANALYSIS CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIA AND THE SCANDINAVIAN COUNTRIES

Dyadyun Kristina

candidate of juridical sciences,

associate professor of department of criminal law VB RCA,

Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются особенности регламентации ответственности за детоубийство в уголовном законодательстве РФ и стран Скандинавии. Автор исследует законодательный подход в области установления признаков потерпевшего, объективной стороны данного преступления. Также в статье рассматриваются санкции за убийство матерью новорожденного ребенка и анализируются уточ-

няющие примечания к соответствующей статье. В результате предлагаются авторские модификации рассмотренной нормы.

ABSTRACT

In given article features of a regulation of responsibility for infanticide in the criminal legislation of the Russian Federation and the countries of Scandinavia are analyzed. The author investigates the legislative approach in the field of an establishment of signs of the victim, the objective party of the given crime. Also in article sanctions for murder by mother of the newborn child are considered and specifying notes to corresponding article are analyzed. Author's updatings of the considered norm are as a result offered.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка; уголовное законодательство скандинавских стран; новорожденный ребенок; назначение наказания; родовой процесс.

Keywords: murder by mother of the newborn child; the criminal legislation of the Scandinavian countries; the newborn child; appointment of punishment; generic process.

Убийство матерью новорожденного ребенка достаточно распространенное преступление в современном мире. При этом в большинстве стран данное деяние относится к числу привилегированных. Представляется, что основанием смягчения ответственности выступает учет особого психофизиологического состояния женщины, обусловленного процессом родов. Однако далеко не во всех государствах соответствующая норма сконструирована надлежащим образом, исключая проблему толкования и применения.

Так, УК РФ в ст. 106 закрепляет по сути 3 различных критерия отнесения данного деяния к числу привилегированных [8]:

1. время совершения: время родов/сразу после них; при этом отсутствует увязка указанных пределов с состоянием женщины, т. е. причинение смерти младенцу под влиянием факторов, обусловленных процессом родов, и убийство новорожденного женщиной, не испытывающей каких-либо психоэмоциональных модификаций (в силу физиологических особенностей, многократных родов и т. п.) будут расцениваться в одинаковых пределах: влечь смягчение уголовной ответственности.

2. обстановка совершения: психотравмирующая ситуация; исходя из логического анализа, данная обстановка также должна быть увязана с обстоятельствами, сопутствующими родовому процессу (отказ отца от ребенка, недостаточность материальной обеспеченности матери для предоставления ребенку необходимых условий и т. д.),

однако из текста ст. 106 такой вывод опять-таки прямо не следует, а его практическая реализация обусловлена индивидуальным подходом правоприменителя, что на практике далеко не всегда присутствует.

3. состояние психического расстройства, не исключаяющего вменяемости; которое в качестве привилегирующего обстоятельства в рамках рассматриваемой статьи также должно обуславливаться психофизиологическими аспектами, взаимосвязанными с родовым процессом, в противном случае не было бы оснований в отдельной регламентации соответствующего фактора в силу наличия общей статьи об ограниченной вменяемости.

Еще одним проблемным вопросом является отсутствие четких критериев потерпевшего от данного преступления: педиатрия определяет новорожденность периодом равным одному лунному месяцу (28 календарных дней), акушерство — одной неделей, судебная медицина — одним суткам [2, с. 31; 5, с. 386]. Также однозначно не определен и начальный момент жизни.

Какие-либо уточняющие обстоятельства в действующей редакции ст. 106 УК РФ также отсутствуют. Неоднозначной представляется и санкция рассматриваемой статьи, предусматривающей несколько видов наказания с различными сроками реализации. Следует отметить, что при всей «привилегированности» данного состава, предусмотренное им деяние — убийство: умышленное причинение смерти, поэтому излишний либерализм в сфере назначения наказания представляется необоснованным, особенно вкуче с несовершенной формулировкой диспозиции соответствующей статьи.

В целях совершенствования уголовного законодательства и адекватного его толкования и применения целесообразно учитывать опыт зарубежных стран в аналогичной области. В рамках данной статьи представлен анализ нормы об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в УК РФ и уголовном законодательстве скандинавских стран (Дании, Норвегии, Швеции).

Таблица 1.

**Сравнительный анализ нормы об ответственности за убийство
матерью новорожденного ребенка по УК РФ И УК
скандинавских стран**

страна	признаки потерпевшего	отличительные признаки деяния	санкция	уточнения
Россия	не определены	<ul style="list-style-type: none"> • во время/сразу после родов; • в условиях психотравмирующей ситуации; • в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости 	<ul style="list-style-type: none"> • ограничение свободы на срок 2—4 лет; • принудительные работы на срок до 5 лет; • лишение свободы на срок до 5 лет 	отсутствуют
Дания	не определены	в течение/сразу после родов под воздействием бедственного состояния/испытывая страдания вследствие факторов, вызванных родами	тюремное заключение на срок 3—4 г	наказание может быть отменено, если присутствовал только покушение без вреда для ребенка
Норвегия	Определены: момент начала родов — сутки после родов	родовой процесс	тюремное заключение на срок 1—8 лет	<ul style="list-style-type: none"> • увеличение срока наказания до 12 лет при наличии повторности или особо отягчающих обстоятельств; • наказание может быть отменено, если отсутствуют тяжкие телесные повреждения и значительный вред здоровью ребенка
Швеция	не определены	нарушение душевного состояния/наличие сильной нужды, обусловленных факторами, взаимосвязанными с родовым процессом	заключение на срок до 6 лет	отсутствуют

Из представленной таблицы видно, что законодатель рассмотренных зарубежных стран увязывает возможность смягчения ответст-

венности за указанную разновидность убийства обстоятельствами так или иначе взаимосвязанными с родовым процессом. Такой подход видится абсолютно обоснованным. Так, как отмечает ряд исследователей [3, с. 142; 4, с. 131—132; 1] систематическое и грамматическое толкование уголовного закона позволяет заключить, что признак психического расстройства, не исключающего вменяемости, обусловленного влиянием родового процесса, присущ всем случаям убийства матерью новорожденного ребенка в ракурсе регламентации соответствующей уголовной ответственности. По исследуемой проблеме был проведен опрос 450 человек (обычных граждан; студентов юридических вузов и сотрудников правоохранительных органов). Большинство опрошенных (62,2 %) отметили, что смягчение уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка должно обуславливаться состоянием психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного влиянием родового процесса и связанных с ними обстоятельств. Более того, 64,5 % также подчеркнули невозможность смягчения ответственности за данное преступление при доказанности его запланированности и в отсутствие каких-либо психологических отклонений субъекта. При этом еще 24,5 % респондентов указали на необходимость квалификации вышеозначенной разновидности детоубийства как убийства с отягчающими обстоятельствами (заведомо беспомощного для виновного лица). Примечательно, что означенные позиции были практически идентичны у всех категорий опрошенных.

Что касается определения признаков потерпевшего, несомненно, выделяется подход норвежского законодателя, конкретизирующий рамки «новорожденности». Следует отметить, что в большинстве современных уголовных кодексов указанные критерии не определены, что затрудняет адекватное и единообразное толкование и применение соответствующей нормы.

По мнению большинства респондентов (48,9 %) состояние новорожденности следует исчислять в рамках 1 суток, в основном такая позиция поддерживается обычными гражданами (не связанными с юриспруденцией). На втором месте — 1 лунный месяц (28 календарных дней) — 24,4 %. Указанную позицию отмечали сотрудники правоохранительных органов. Представляется, во избежание споров и разнотолков, следует закреплять рассматриваемые критерии на законодательном уровне: либо в соответствующей норме уголовного закона, либо в примечании к ней.

Следующим значимым вопросом в свете рассматриваемой темы является установление видов и размеров наказания за рассматриваемое

преступное деяние. В данном контексте наиболее близка позиция законодателя РФ и Дании. Хотя российский законодатель и предусматривает больший спектр видов наказания, однако при анализе данного вопроса следует учитывать и общую структуру соответствующих уголовных кодексов, в том числе и установленный перечень наказаний. В указанном вопросе уголовное законодательство скандинавских стран весьма схоже, именно поэтому за рассматриваемое преступление устанавливается только один вид наказания — тюремное заключение, различаются лишь сроки. В частности, по УК Швеции максимальное наказание за данное преступное деяние — 6 лет тюремного заключения, по УК Норвегии — 8 лет [9; 7]. На первый взгляд указанные пределы ответственности за «привилегированное» преступление достаточно суровы, однако уголовный закон скандинавских стран содержит уточнения, позволяющие модифицировать установленные пределы: возможность полной отмены уголовной ответственности за покушение на рассматриваемое преступление при отсутствии вреда для ребенка (§ 238 УК Дании; § 234 УК Норвегии) [6; 7]; также возможно ужесточение наказания: до 12 лет тюремного заключения при наличии повторности/особо отягчающих обстоятельств (§ 234 УК Норвегии). Такой подход представляется обоснованным, позволяет максимально индивидуализировано подходить к вопросу об уголовной ответственности и наказании за рассматриваемое преступление с учетом всех обстоятельств дела. Видится обоснованным рассмотреть возможность внесения соответствующих модификаций и в российский уголовный закон.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие основные выводы:

1. уголовное законодательство скандинавских стран представляется более адекватным в сфере регламентации признаков убийства матерью новорожденного ребенка: смягчение ответственности обусловлено особым состоянием женщины, взаимосвязанным с процессом родов;

2. позитивным аспектом можно считать наличие возможности в уголовных кодексах скандинавских стран индивидуализированного подхода к наказанию за рассмотренное преступление: от полного освобождения от уголовной ответственности до максимального ее ужесточения в зависимости от конкретных обстоятельств;

3. положительной отличительной особенностью необходимо признать закрепление в УК Норвегии признаков потерпевшего лица.

Таким образом, законодательный подход рассмотренных скандинавских государств в области регламентации ответственности

за убийство матерью новорожденного ребенка представляется более обоснованным как с теоретической, так и с практической точки зрения, позволяет максимально индивидуализировано подходить к вопросу назначения наказания и обеспечивает реализацию целей и задач, положенных в основу создания соответствующих норм. Представляется целесообразным рассмотреть возможность заимствования рассмотренных плюсов законодательного подхода зарубежных стран в данной области в УК РФ в целях совершенствования толкования и применения соответствующей нормы и реализации задач ее обусловивших.

Список литературы:

1. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999.
2. Вермель И.Г. Сложные вопросы судебной медицины. Свердловск, 1989.
3. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.
4. Маляев К.В. Уголовно-правовая охрана жизни. Н. Новгород, 2005.
5. Судебная медицина/под ред. А.А. Матышева, А.Г. Деньковского. Л., 1985.
6. Уголовный кодекс Дании// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524> (дата обращения: 10.03.2015).
7. Уголовный кодекс Норвегии. СПб., 2003.
8. Уголовный кодекс РФ. М., 2014.
9. Уголовный кодекс Швеции// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 10.03.2015).

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 374 КК УКРАИНЫ**

Карпова Наталья Юрьевна

аспирант Академии адвокатуры Украины,

Украина, г. Киев

E-mail: KARNAT2010@META.UA

**SOME PECULIARITIES OF DEFINING THE VICTIM
SUFFERING FROM THE CRIME DETERMINED
BY ARTICLE 374 OF CRIMINAL CODEX OF UKRAINE**

Karpova Natalia

postgraduate student of Academy of advocateship of Ukraine,

Ukraine, Kiev

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию права лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в иностранную державу на защиту во время процедуры экстрадиции. Данная статья включает рассмотрение следующего вопроса: законное основание права защитника лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в иностранную державу на защиту, на защиту своего клиента. Главное внимание уделяется охране права лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в иностранную державу быть представленным своим защитником.

ABSTRACT

The published article is determined for studying such a question as a right of the extraditable person to be defended during extradition proceeding. The suggested article includes observing such a question as the lawful ground of the right of the extraditable persons' counsel to protect the rights of one's client. The main attention is given to the protection of a right of the extraditable person to be presented by counsel.

Ключевые слова: особа; относительно которой рассматривается вопрос о выдаче в иностранную державу; процедура экстрадиции; право особы; относительно которой рассматривается вопрос о выдаче

в иностранную державу; на защиту во время процедуры экстрадиции; защитник особы; относительно которой рассматривается вопрос о выдаче в иностранную державу; на защиту во время процедуры экстрадиции.

Keywords: the extraditable person; the extradition proceeding; a right of the extraditable person to be defended during extradition proceeding; extraditable persons' counsel.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Конституции Украины [12] каждый имеет право на правовую помощь. Это право является одним из конституционных, неотъемлемых прав человека и имеет всеобщий характер.

Содержание ст. 64 Конституции Украины [12] подтверждает, что конституционное право каждого на правовую помощь ни в каком случае не может быть ограничено.

Конституционный суд Украины [16] толкует его как «гарантированную государством возможность каждого лица получить такую помощь в объеме и формах определенных ею, независимо от характера правоотношений лица с другими субъектами права.» и обращает внимание при толковании на то что «понятие «каждый» охватывает всех без исключения лиц — граждан Украины, иностранцев и лиц без гражданства, которые пребывают на территории Украины.»

Конституционный суд Украины [16] считает, что «конституционное право каждого на правовую помощь по своей сути является гарантией реализации, защиты и охраны других прав и свобод человека и гражданина и в этом и заключается его социальная значимость.»

Общепринятым в юридической науке является принцип прямого действия конституционных норм. Как указывает В.Т. Маляренко [15], это касается в первую очередь криминального судопроизводства, где чаще всего ограничиваются права и свободы граждан и где в связи с этим необходимы криминально-процессуальные гарантии их защиты. Понимание необходимости этих гарантий было отражено в прогрессивном намерении законодателя, который попробовал воплотить в КПК Украины [14] принцип как можно более широкого охвата участников криминального процесса возможностью защищать свои законные права и интересы при помощи защитника на всех стадиях криминального процесса. Соблюдение принципа прямого действия конституционных норм предусматривает установление более широкого, чем имеющийся в Криминальном Кодексе (далее КК) Украины [13] на момент написания статьи, круга лиц, которые имеют

право на защиту в криминальном процессе и чье право на защиту в криминальном процессе, как и другие права, гарантированные Конституцией Украины [12] должно находиться под криминально-правовой охраной КК Украины [13].

При анализе диспозиции ст. 374 КК Украины [13], которая признает преступлением недопуск или не предоставление своевременно защитника или любое другое грубое нарушение права на защиту, становится понятным, что именно эта статья посвящена охране конституционного права на защиту и установленного законом порядка обеспечения реализации этого права при осуществлении правосудия и деятельности, которая способствует его осуществлению в аспекте предоставления лицу, которое имеет право на защиту, в установленном законом порядке возможности реализации ее права на защиту специальными уполномоченными на это в соответствии с законом должностными лицами — следователем, прокурором, судьей.

Непосредственно в законе про уголовную ответственность сложилась парадоксальная ситуация, когда под криминально-правовой охраной находится предоставление возможности реализации права на защиту некоторых из перечисленных в ч. 2 ст. 63 Конституции Украины [12] категорий лиц. Только подозреваемый и обвиняемый могут быть участниками охраняемых общественных отношений в качестве потерпевших. Лишь нарушение права на защиту подозреваемого или обвиняемого может стать причиной заведения уголовного дела по ст. 374 КК Украины [13].

«В правоприменительной деятельности недопустимо ни расширение, ни сужение круга субъектов охраняемых отношений, поскольку это связано с нарушением компетенции законодателя» [1].

Для полного и всеобъемлющего установления круга лиц, чье право на защиту в криминальном процессе должно находиться под криминально-правовой охраной ст. 374 КК Украины [13], автор должен проанализировать действующий КПК Украины [14].

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 541 КПК Украины [14] одним из видов международного сотрудничества Украины с другими мировыми державами в криминально-правовой сфере является экстрадиция — выдача лица стране, компетентными органами которой это лицо разыскивается для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора. Экстрадиция состоит из нескольких этапов: официального обращения про установление места пребывания на территории запрашиваемой страны лица, которое необходимо выдать, и выдачи такого лица; проверки обстоятельств, которые могут

препятствовать выдаче; принятия решения по запросу; фактической передачи такого лица под юрисдикцию запрашивающей страны.

В.Т. Маляренко характеризует экстрадицию как сложный длительный процесс, который зависит от формальных оснований [15]. Фактически экстрадиция является отдельным видом уголовного процесса, который регулируется главой 44 раздела IX действующего КПК Украины [14], Законом Украины «Про ратификацию Европейской конвенции про международную действительность криминальных приговоров» [7], Законом Украины «Про ратификацию Европейской конвенции про борьбу с терроризмом» [8], Законом Украины «Про ратификацию Европейской конвенции про выдачу правонарушителей 1957 года, Добавочного протокола 1975 года, Второго Добавочного протокола 1978 года» [9], Законом Украины «Про ратификацию Европейской конвенции про взаимную помощь в криминальных делах 1959 года и Добавочного протокола 1978 года к Конвенции» [10] и международными договорами Украины. На международном уровне экстрадиция регулируется рядом международных актов: Европейской конвенцией про выдачу правонарушителей 1957 г. [3], Европейской конвенцией про взаимную помощь в криминальных делах 1959 г. [4], Европейской конвенцией про международную действительность криминальных приговоров 1970 г. [5], Европейской конвенцией про борьбу с терроризмом 1977 г. [6] и другими.

Экстрадиция как отдельный вид уголовного процесса имеет участника, который нуждается в правовой помощи в форме реализации его права на защиту. Это лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, независимо от его гражданства или вида криминального правонарушения, которое оно совершило или в котором обвиняется. В соответствии с КПК Украины [14], квалификация криминального правонарушения, которое оно совершило или в котором обвиняется влияет на решение вопроса про отказ в экстрадиции или удовлетворение запроса про выдачу в другую страну, на выбор относительно его превентивного мероприятия, которым может быть временный арест или экстрадиционный арест или превентивное мероприятие, не связанное с заключением под стражу, но не ограничивает его право на защиту. Гражданство Украины имеет своим следствием для лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, обязательный отказ в его экстрадиции в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 589 КПК Украины [14]. Такое основание для обязательного отказа в экстрадиции следствием для лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, является отображением в отечественном законода-

тельстве положений Европейской конвенции про выдачу правонарушителей 1957 г., согласно подп. «а» п. 1 ст. 6 вышеуказанной конвенции [3] Договаривающаяся Страна имеет право отказать в выдаче своих граждан. Пока наличие гражданства Украины у соответствующего лица устанавливается путем экстрадиционной проверки, это лицо может реализовать свое право на защиту.

Европейская конвенция про выдачу правонарушителей 1957 г. [3] предусматривает и другие основания для отказа в экстрадиции лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну: срок давности, соблюдение принципа “ne bis idem”, отсутствие наказания за правонарушения, в связи с которыми запрашивается выдача в виде лишения свободы или содержания под стражей на срок 1 год или больше по законодательству запрашивающей стороны, срок наказания, назначенного и не отбытого лицом, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, меньше четырех месяцев, если это лицо уже отбыло часть назначенного судом наказания, аналогичные основания имеются и в украинском криминальном законодательстве. Отдельно необходимо отметить, что ст. 5 Европейской конвенции про борьбу с терроризмом 1977 г. [6], определяет как основание для отказа в экстрадиции серьезное подозрение в том, что запрос о выдаче сделан с целью преследования или наказания лица в связи с его расой, религиозными убеждениями, национальностью или политическими убеждениями или что положение такого лица может быть ухудшено по какой-либо из этих причин и эта норма международного права тоже отражена в отечественном законодательстве в ч. 2 ст. 589 КПК Украины [14] и в п. «а» ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Про ратификацию Европейской конвенции про взаимную помощь в криминальных делах 1959 года и Добавочного протокола 1978 года к Конвенции» [10].

После того как краткий обзор автора оснований для отказа в экстрадиции лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, которые существуют в украинском криминальном законодательстве подтвердил соответствие украинского криминального законодательства в обосновании отказа экстрадиции международным стандартам, необходимо выяснить соответствует ли реальный объем права на защиту лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну (экстрадицию), украинской Конституции и международным стандартам.

Пункт «с» ст. 6 Конвенции про защиту прав человека и основополагающих свобод [11], которая была ратифицирована Украиной 17.07.97 устанавливает общее право каждого обвиняемого в совер-

шении криминального правонарушения на личную защиту или использование правовой помощи защитника, это касается также лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну в связи с обвинением его в совершении правонарушения запрашивающей стороной. Право на защиту лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну наиболее детально и четко описано в Рамочном Решении № 2002/584/ПВД Совета ЕС [2] про европейский ордер на арест и процедуру передачи лиц между странами-членами.

Рамочное Решение № 2002/584/ПВД Совета ЕС [2] конкретизирует и дополняет Европейскую конвенцию про выдачу правонарушителей от 1957 г. [3] и определяет европейские стандарты обращения с лицами, относительно которых рассматривается вопрос о выдаче в другую страну. Украина, не будучи страной-членом ЕС, не принимала и не ратифицировала рассматриваемый документ, но должна ориентироваться на него как на образец европейских стандартов обращения с лицами, относительно которых рассматривается вопрос о выдаче в другую страну. Цель Рамочного Решения № 2002/584/ПВД Совета ЕС [2] про европейский ордер на арест и процедуру передачи лиц между странами-членами — это упрощение процедуры экстрадиции в кругу стран-членов ЕС при сохранении главных принципов этой процедуры. Пункт 2 статьи 11 Рамочного Решения № 2002/584/ПВД Совета ЕС [2] про европейский ордер на арест и процедуру передачи лиц между странами-членами определяет право лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, пользоваться услугами адвоката в соответствии с законодательством выполняющей ордер страны.

В украинском криминально-процессуальном законодательстве объем права на защиту лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, регламентирован главой 43 «Международная правовая помощь при проведении процессуальных действий» действующего КПК Украины [14].

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 581 КПК Украины [14] лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, имеет право иметь защитника и свидания с ним на условиях, которые обеспечивают конфиденциальность общения, на присутствие защитника во время допросов. В соответствии с ч. 1 ст. 581 КПК Украины [14] лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, обладает следующими процессуальными правами: правом на участие в рассмотрении судом вопросов связанных с его пребыванием под стражей и запросом о его выдаче, правом

на ознакомление с запросом о выдаче или получении его копии, правом на обжалование решения про содержание под стражей (экстрадиционный арест) или решения про удовлетворение запроса о выдаче, правом на обращение с просьбой об использовании упрощенной процедуры выдачи. Понятно, что лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, обычно является иностранцем и не владеет знанием украинского криминально-процессуального законодательства. Единственным шансом для него правильно выполнить необходимые в его положении криминально-процессуальные действия является подача защитником — адвокатом-профессионалом по юридическим вопросам от имени данного лица все жалоб и просьб, каковые данное лицо желает подать. Само по себе участие защитника в деле без совершения им конкретных юридических действий ничего не дает для защиты интересов лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, укрепления законности в Украине.

Процессуальные права защитника, который защищает лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну определены рядом статей КПК Украины, одной из которых является ст. 584 КПК Украины [14], п. 12 ч. 2 данной статьи дает право обжалования в апелляционном порядке постановления следственного судьи про экстрадиционный арест защитнику лица, к которому применен экстрадиционный арест. Поскольку экстрадиционный арест применяется до решения о выдаче (экстрадиции) лица и его фактической передачи и может длиться 12 месяцев, то защитник лица, к которому применен экстрадиционный арест или само лицо могут обжаловать экстрадиционный арест не чаще чем раз в месяц.

Ст. 591 КПК Украины [14] дает защитнику, который защищает лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну право на подачу жалобы на решение о выдаче (экстрадиции) лица следственному судье, в границах территориальной юрисдикции которого такое лицо содержится под стражей или, если такое лицо не содержится под стражей, следственному судье, в границах территориальной юрисдикции которого расположен соответствующий центральный орган Украины и на участие защитника в судебном рассмотрении этой жалобы. Эта статья дает защитнику, который защищает лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну право на подачу жалобы в апелляционном порядке на решение о выдаче (экстрадиции) лица. Отдельно необходимо отметить, что процессуальные права защитника при подаче жалобы на решение о выдаче (экстрадиции) лица сужены

по сравнению с правами прокурора, который имеет право на обжалование в кассационном порядке постановления суда апелляционной инстанции, а защитник не имеет такого права. Лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, имеет еще один шанс заблокировать решение о своей выдаче (экстрадиции), путем подачи таким лицом заявления о признании его беженцем или лицом, нуждающимся в дополнительной защите или жалоб на решения относительно данных статусов в соответствии с законодательством. Все эти законные процессуальные действия практически невозможны без помощи защитника.

В противоположном случае, если лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, желает быть выданным и как можно быстрее, это лицо тоже не может обойтись без помощи защитника. В соответствии с ст. 588 КПК Украины [14] лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, имеет право обращаться с просьбой об использовании упрощенного порядка выдачи. Для реализации этого права такое лицо должно написать письменное заявление про свое согласие на выдачу. Согласие на выдачу должно быть оформлено в присутствии защитника и подтверждено следственным судьей. При отсутствии защитника данного лица при оформлении согласия на выдачу или отсутствии защитника у данного лица вообще, согласие лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, на упрощенный порядок выдачи не может считаться добровольным и является юридически недействительным.

Как отдельный вопрос рассматривается временный арест, который является задержанием лица, которое совершило преступление за пределами Украины, но еще не пришел запрос о его выдаче от запрашивающей стороны. В соответствии с ст. 583 КПК Украины [14] к данному лицу применяется временный арест до сорока суток по постановлению следственного судьи. Защитник лица, к которому применен временный арест, может обжаловать постановление следственного судьи о временном аресте в апелляционном порядке.

В соответствии с общей теорией права, только Криминальный Кодекс Украины [13] обеспечивает в Украине охрану прав и свобод человека и гражданина тем, что берет их под охрану с помощью своих норм.

Таким образом, из изложенного выше вытекает вывод о том, что наличие такого ограниченного перечня лиц, которые могут рассчитывать на криминально-правовую охрану своего права на защиту от его нарушений, который в настоящее время содержится в диспозиции

ст. 374 КК Украины [13], приводит к ограничению содержания и объема права каждого на правовую помощь.

По мнению автора, имеющийся в диспозиции ст. 374 КК Украины [13] перечень лиц, которые могут рассчитывать на криминально-правовую охрану своего права на защиту от его нарушений, нуждается в коррекции с учетом прямого действия ч. 1 ст. 59 Конституции Украины [12] и зафиксированного в ратифицированных Украиной международных договорах объема права на защиту.

Автор предлагает отредактированный перечень лиц, которые могут рассчитывать на криминально-правовую охрану своего права на защиту от его нарушений, в который должны входить: подозреваемый, обвиняемый, лицо, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, временно арестованное лицо.

В итоге автор предлагает следующую редакцию диспозиции ч. 1 ст. 374 КК Украины:

«Статья 374. Нарушение права на защиту

1. Недопуск или не предоставление своевременно защитника или любое другое грубое нарушение права на защиту подозреваемого, обвиняемого, лица, относительно которого рассматривается вопрос о выдаче в другую страну, временно арестованного лица совершенное следователем, прокурором или судьей...»

Список литературы:

10. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений / Виталий Константинович Глистин. Ленинград: ЛГУ, 1975 г. — 250 с.
11. Рамочное Решение № 2002/584/ПВД Совета ЕС о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами (на рус. яз.) Официальный web-сайт Верховной Рады Украины // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_b17 (Дата обращения 14. 02. 2015).
12. Європейська конвенція про видачу правопорушників від 1957 р. Офіційний вісник України (на укр. яз.) — 1998 г., — № 13, — с. 324.
13. Європейська конвенція про взаємну допомогу у кримінальних справах від 1959 р. Офіційний вісник України (на укр. яз.) — 1998 г., — № 13, — с. 345.
14. Європейська конвенція про міжнародну дійсність кримінальних вироків від 1970 р. (на укр. яз) [Електронний ресурс] Официальный web-сайт Верховной Рады Украины // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_341 (Дата обращения 14. 02. 2015).

15. Європейська конвенція про боротьбу з тероризмом від 1977 р. (на укр. яз) [Електронний ресурс] Офіційний web-сайт Верховної Ради України // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_331 (Дата обращения 14. 02. 2015).
16. Закон України «Про ратифікацію Європейської конвенції про міжнародну дійсність кримінальних вироків». Відомості Верховної Ради України (ВВР) (на укр. яз), — 2002, — № 46, — с. 343.
17. Закон України «Про ратифікацію Європейської конвенції про боротьбу з тероризмом» (на укр. яз) [Електронний ресурс] Офіційний web-сайт Верховної Ради України// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2990-14> (Дата обращения 14. 02. 2015).
18. Закон України «Про ратифікацію Європейської конвенції про видачу правопорушників, 1957 рік, Додаткового протоколу 1975 року та Другого додаткового протоколу 1978 року» Відомості Верховної Ради України (ВВР) (на укр. яз), — 1998, — № 23, — с. 129.
19. Закон України «Про ратифікацію Європейської конвенції про взаємну допомогу у кримінальних справах, 1959 рік, та Додаткового протоколу 1978 року до Конвенції» Відомості Верховної Ради України (ВВР) (на укр. яз), — 1998, — № 23, — с. 130.
20. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод (на укр. яз) [Електронний ресурс] Офіційний web-сайт Верховної Ради України // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_004 (Дата обращения 14. 02. 2015).
21. Конституція України (на укр. яз) К. Велес, 2013 — 80 с.
22. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року/ Офиц. издание. (на укр. яз) К.: Издательский Дом «Ін Юре» 2013 — 550 с.
23. Кримінально-процесуальний кодекс України: за станом на 13 січня. 2015 р. (на укр. яз) (Верховна Рада України; Кодекс України, Закон, Кодекс від 13.04.2012 № 4651-VI) [Електронний ресурс] // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>. (Дата обращения 14. 02. 2015).
24. Маляренко В.Т. Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: Монографія (на укр. яз). К.: Юрінком Інтер, 2005 — 400 с.
25. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадянина Голованя Ігоря Володимировича щодо офіційного тлумачення положень статті 59 Конституції України (справа про право на правову допомогу), п. 3.2. М. Київ. Справа № 1-23/2009 - від 30 вересня 2009 року. № 23-рп/2009 (на укр. яз) // [Електронний ресурс] Офіційний web-сайт Верховної Ради України // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon1.rada.gov.ua>. (Дата обращения 14. 02. 2015).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Махкамов Отабек Мухтарович

*старший научный сотрудник-соискатель
Ташкентского государственного юридического университета,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: doctor-mom@umail.uz*

SOME ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX CRIMES UNDER THE LAWS OF UZBEKISTAN

Otabek Makhkamov

*senior Scholar-researcher of the Criminal Law
and Criminology Department, Tashkent State University of Law,
Republic of Uzbekistan, Tashkent*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена некоторым аспектам уголовной ответственности за налоговые преступления по законодательству Республики Узбекистан. Автор в статье выдвигает свою позицию по спорным вопросам юридического анализа и квалификации налоговых преступлений.

ABSTRACT

This article deals with some aspects of criminal liability for tax crimes under the laws of the Republic of Uzbekistan. The author in the article puts forward its position on controversial issues of legal analysis and qualification of tax crimes.

Ключевые слова: Налог; другие обязательные платежи; уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей; налоговые преступления.

Keywords: tax; other obligatory payments; tax evasion and other mandatory payments; tax crime.

В Республике Узбекистан осуществляются глубокие экономические и политические реформы. Не обходят эти реформы и мимо налоговой системы, обеспечивающей поступление налогов и других обязательных платежей. Защита общественных отношений в сфере налогообложения обретает важное значение в деятельности системы социальной защиты в стране, обеспечении экономической безопасности и суверенитета любого современного государства.

В качестве важнейших нормативных документов, направленных на урегулирование общественных отношений в данной сфере, можно отметить Гражданский (1996 год), Земельный (1998 год), Налоговый (новая редакция от 2008 года), Бюджетный (2014 год) и Таможенный (1998 год) кодексы, Законы «О разгосударствлении и приватизации» (1991 год), «О банках и банковской деятельности» (1996 год), «Об иностранных инвестициях» (1998 год), «О гарантиях прав иностранных инвесторов и мерах их защиты» (1998 год).

В статье 51 Конституции Республики Узбекистан установлена определенная законом обязанность граждан по уплате налогов и местных платежей [1, с. 36].

Неуплата юридическими и физическими лицами установленных государством налогов или других обязательных платежей, умышленное сокрытие прибыли (дохода) или других налогооблагаемых объектов, а также уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей наносит ущерб стабильности бюджетной политики. Использование денежных средств, предусмотренных к оплате и поступлению в бюджет, в интересах, противоречащих интересам общества, еще более повышает общественную опасность правонарушений и преступлений, совершаемых в налоговой сфере.

В Республике Узбекистан процесс формирования норм налогового законодательства на практике показал особую важность установления ответственности за правонарушения в налоговой сфере. В Республике Узбекистан в условиях формирования рыночных отношений, установления различных форм собственности, обретения приоритетного значения защиты прав субъектов малого бизнеса и частного предпринимательства юридическая ответственность базируется на новых принципах.

В действующем Уголовном кодексе Республики Узбекистан ответственность за уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей предусмотрена в статье 184 [3, с. 396], данное преступление отнесено к категории преступлений против основ экономики. Оно угрожает общественным отношениям, возникающим в сфере налогообложения, и состоит в умышленном уклонении

от уплаты установленных государством налогов или других обязательных платежей.

Общественная опасность уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей определяется следующим:

Одним из основных факторов, определяющих общественную опасность уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей, несомненно, является неисполнение закрепленных Конституцией Республики Узбекистан установленных законом обязательств граждан по уплате налогов и местных сборов.

Вместе с тем общественная опасность уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей выражается в непоступлении обязательных к уплате в государственный бюджет или целевые фонды обязательных платежей в крупном или особо крупном размере и нанесении в результате этого существенного ущерба экономическим основам государства.

Вместе с тем, такое общественно опасное деяние также нарушает принципы добросовестного конкурирования между уклоняющимися от уплаты налогов или других обязательных платежей и соблюдающими закон налогоплательщиками и приводит к неравному их положению на рынке.

Среди факторов, определяющих общественную опасность такого деяния, уместно упомянуть и его связь с другими общественно опасными деяниями. Уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей не только наносит ущерб порядкам управления государства и имуществу других граждан, но и приобретенные в его результате средства могут быть направлены на финансирование терроризма, организованной преступности.

Непосредственный объект данного преступления составляют общественные отношения государства в сфере налогообложения, то есть общественные отношения, складывающиеся между налоговыми органами, осуществляющими оплату налогов или других обязательных платежей и налогоплательщиками (физическими лицами и должностными лицами юридических лиц), связанные с наложением, исчислением и оплатой налогов или других обязательных платежей.

Особенностью непосредственного объекта данного преступления являются отношения, регулирующие отдельный вид экономико-социальной сферы. Они регулируют отношения, связанные с налоговым законодательством и установлением, удержанием, исчислением налогов или других обязательных платежей и уплатой их в Государственный бюджет Республики Узбекистан и целевые государственные фонды, а также исполнением налоговых обязательств, к которым относятся

общественные отношения, связанные с правонарушениями в налоговой сфере.

Предметом уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей являются денежные средства, которые должны поступить в государственный бюджет или целевые фонды в форме налогов или других обязательных платежей.

Объективная сторона уклонения от уплаты налогов и других обязательных платежей характеризуется следующими основными признаками:

- общественно опасным деянием, выражающимся в уклонении от уплаты налогов и других обязательных платежей физическими лицами или должностными лицами юридических лиц;
- наступлением общественно опасных последствий, выражающихся в непоступлении в государственный бюджет или целевые фонды денежных средств, в результате неуплаты налогов и других обязательных платежей в значительном, крупном и особо крупном размере;
- отрицательной связью между уклонением налогоплательщика от уплаты налогов и других обязательных платежей и наступлением последствий неуплаты налогов в значительном, крупном и особо крупном размере;
- способом уклонения налогоплательщика от уплаты налогов и других обязательных платежей.

Согласно статье 184 Уголовного кодекса Республики Узбекистан [3, с. 396], данное преступление с **объективной стороны** может выражаться как в действии, так и в бездействии. Однако применительно к его общественно опасным последствиям выражается только в бездействии, так как в результате умышленного совершения данного преступления денежные средства в виде налогов и других обязательных платежей не поступают в государственный бюджет или целевые фонды.

В постановлении Пленума Верховного суда Республики Узбекистан к признакам умышленного сокрытия прибыли (дохода) отнесены:

- неотражение суммы выручки, полученной от реализации товаров (работ, услуг) в регистрах учета;
- замена, подделка или уничтожение документов, подтверждающих реализацию товаров (работ, услуг) либо отказ в предъявлении документов для проверки;
- использование фальшивых первичных бухгалтерских документов;

- отсутствие на складе или месте реализации товаров, числящихся в бухгалтерских документах, как не реализованные;
- хранение товаров, не оформленных (не оприходованных) соответствующим образом бухгалтерскими или другими документами;
- незаконное внесение изменений в программу обслуживания фискальной памяти контрольно-кассовых машин;
- включение в отчетность производства неиспользованные материальные затраты, как использованные;
- перенос выручки от реализации товаров (услуг) на следующий за отчетный период (умышленном занижении объема реализации и дохода (прибыли));
- искусственное завышение (лимитов) расходования материальных, топливно-энергетических ресурсов и нормы амортизации (износа) или неправильном применении нормативов и т. п. [2, с. 23].

Субъектами уклонения от уплаты налогов и других обязательных платежей являются лица, достигшие 16 лет, имеющие налогооблагаемый доход (физические лица) и прибыль (юридические лица), в соответствии с законом обязанные представлять в государственные налоговые органы соответствующие документы о доходах, руководители и главные бухгалтеры предприятий, организаций или учреждений независимо от форм собственности, фактически выполняющие их обязанности лица и другие физические лица.

При расследовании уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей, большое значение имеет определение психологического отношения субъекта к совершаемому деянию.

Субъективная сторона уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей данного деяния совершается с прямым умыслом, данное преступление не может совершаться вследствие неосторожности.

Умышленные действия субъекта в сфере сокрытия доходов или иных налогооблагаемых объектов, а также уклонения от уплаты налогов или иных обязательных платежей непосредственно указаны в определении диспозиции статьи 184 УК Республики Узбекистан [3, с. 396].

Применительно к уклонению от уплаты налогов и иных обязательных платежей следует отметить, что прямой умысел к совершению преступления присутствует лишь в случае, если все обстоятельства, связанные с точными общественно опасными последствиями, которые считаются неперенными признаками состава преступления, охвачены умыслом. Лицо наряду с неисполнением обязательства, предусмотренного не только статьей 184 УК Республики Узбекистан [3, с. 396],

но его бланкетной основой, т. е. статьей 51 Конституции [1, с. 36] должно осознавать и налоговое правонарушение, предусмотренное Налоговым кодексом. Если лицо не осознает противозаконное уклонение от уплаты налогов, в таком случае неуместно применение мер уголовного закона. Если виновный ошибается в установлении порядка или сроков уплаты налогов или иных обязательных платежей, не знает специфики вычета налогов определенного вида (особенно локальных), в таком случае лицо не имеет умысла, в совершении преступления и нет основания для привлечения его к ответственности в установленном порядке. Несомненно, незнание закона не освобождает от ответственности, но при этом следует привлекать не к уголовной, а к административной ответственности.

В части 4 статьи 184 УК Республики Узбекистан установлена следующая поощрительная норма: «В случае полной уплаты налогов и других платежей на умышленно сокрытую, заниженную прибыль (доход) не применяется наказание в виде лишения свободы» [3, с. 396].

Содержание и сущность этой нормы определяется тем, что между виновным лицом и государством заключается своеобразная сделка. В соответствии с этой сделкой виновный полностью осознает отрицательные последствия своего деяния и после преступления принимается за благое дело — полностью оплачивает налоги и другие обязательные платежи по умышленно сокрытой, занижено отраженной прибыли (доходу), государство же за это не применяет в отношении этого лица наказание в виде лишения свободы.

Более активное применение установленной в законе поощрительной нормы при уклонении от уплаты налогов и других обязательных платежей не приводит к увеличению преступности в данной сфере, облегчает охранительных органов и создает возможность погашать нанесенный государству ущерб.

Список литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: «Ўзбекистон», 2014. — 36 с.
2. Постановление № 8 Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 31 мая 2013 года «О применении судами законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов и других обязательных платежей» // Вестник Верховного суда Республики Узбекистан. Т.: “Muharrir nashriyot”, — № 3, — 2013 год. — С. 23.
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: (с изменениями и дополнениями на 1 октября 2014 года). Ташкент: «Адолат», 2014. — 396 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА

Нечаев Алексей Дмитриевич

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: a.d.nechaev@mail.ru*

Усалева Вадим Вадимович

*студент 3 курса юридического факультета
Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: vad_94@list.ru*

THE PROBLEMS OF PENAL FACILITY INSTITUTIONS EXECUTING PUNISHMENT IN THE FORM OF AN ARREST

Alexey Nechaev

*lecturer of the Department of criminal law and criminology,
Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

Vadim Usalev

*student of the law faculty, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье авторами анализируется сложившаяся в уголовно-исполнительном законодательстве России ситуация с таким «отложенным» видом наказания, как арест. На основе анализа существующей правовой базы и научных подходов, авторы актуализируют вопрос о необходимости введения данного вида наказания в российскую правоприменительную практику и предлагают пути решения соответствующих проблем с данным видом наказания.

ABSTRACT

In this article the authors analyze the role and the place of an arrest in the Russian punishment system. The specific feature of this kind

of punishment is its inapplicability in the penal jurisdiction. Based on the legislation and some specialists' opinions the authors suggest bringing back an arrest to life by some amendments to Criminal and Penal Codes.

Ключевые слова: арест; краткосрочная изоляция; лишение свободы; арестный дом исправительное учреждение.

Keywords: arrest; short-term isolation; deprivation of liberty; detention facility; correctional facility.

Арест как вид уголовного наказания достаточно широко применялся в дореволюционной России [11], но в советский период законодатель отказался от этого вида наказания. Изменение социально-экономических основ российского общества в 90-е годы XX века обусловили коренную правовую реформу и в новый период российской государственности идея ареста как краткосрочного вида наказания была реанимирована [3]. Сегодня наказание в виде ареста в России относится к числу основных наказаний и заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества сроком от 1 до 6 месяцев (ст. 54 УК РФ). Как справедливо отмечается в литературе основной целью такого вида наказания является частная превенция [8], базирующаяся на идее «шокового воздействия» на осужденного. За рубежом арест как вид наказания — довольно распространенная уголовно-правовая норма [4].

Несмотря на достаточно адекватную современным правовым реалиям регламентацию данного вида наказания в УК РФ и главе 19 УИК РФ, наказание в виде ареста до настоящего времени в действие не введено. Сегодня арест, наряду с принудительными работами и смертной казнью, для исполнения которых на настоящий момент правовые основания также отсутствуют, является проблемной мерой, вызывающей неоднозначную оценку в литературе. В.Ю. Стромов справедливо называет принудительные работы и арест «отложенными видами наказания» в виду материально-технической и организационной необеспеченности, тем самым дискредитирующими уголовно-правовую политику [10].

Во-первых, **нужен ли данный вид наказания российскому обществу?** В литературе высказываются противоположные позиции по данному вопросу. С одной стороны, еще в 60-е годы прошлого века Н.А. Беляев [2] и Т.Л. Сергеева [7] предлагали ввести краткосрочное лишение свободы (по сути — арест). Нормы об аресте при принятии УК РФ и УИК РФ справедливо обосновывались необходимостью иметь альтернативу лишению свободы. С другой стороны, трудно дать

научное объяснение установлению наказания в виде ареста [5], поскольку фактически условия отбывания наказания при аресте более строгие, чем в тюрьме, где отбывают наказание лица, совершившие наиболее тяжкие преступления осужденные к лишению свободы [1]. При определенных условиях вследствие соотносимости санкций ареста и лишения свободы такое положение вступает в противоречие со ст. 44 УК РФ. На неэффективность такого наказания обращал внимание еще М.Д. Шаргородский [6]. В литературе справедливо подчеркивается несоответствие принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), условий отбывания в арестных домах (аналогичным тюремному содержанию) лицами, совершившими значительно менее опасные преступления, по сравнению с лицами, отбывающими наказания в тюрьмах. Некоторые авторы обосновывают, что законодатель может и вовсе относительно безболезненно отказаться от введения самостоятельного наказания в виде ареста [8]. Зарубежная практика на территории постсоветского пространства свидетельствует о том, что данный вид наказания назначается и применяется не во всех странах. Так, в Республиках Казахстан, Туркменистан и Молдова данный вид исключен из законодательства. На сегодняшний день арест назначается и исполняется на территории Республик Армении и Беларусь, а также Украины. Мы полагаем, что с учетом имеющейся в России градации лишения свободы на лишение свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы, арест должен стать альтернативой лишению свободы краткосрочной изоляцией. В связи с этим, можно было бы предложить поднять нижнюю границу лишения свободы, установив ее на уровне не 2, а 6 месяцев, как это было в первоначальной редакции УК РФ.

Вторая, пожалуй, основная проблема заключается в том, **кто же должен исполнять уголовное наказание в виде ареста.** В ст. 16 УИК РФ закреплено, что арест исполняют арестные дома и гауптвахты. Первоначально, арест планировалось исполнять на базе следственных изоляторов и тюрем, однако вследствие перегруженности последних от этой идеи пришлось отказаться. Ознакомление с ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007—2016 годы)» и с Концепцией развития УИС РФ до 2020 года демонстрирует отсутствие на среднесрочную перспективу планов по созданию арестных домов и по введению названного вида наказания в российскую правоприменительную практику. В литературе представлены различные модели создания арестных домов: от перепрофилизация некоторых видов исправительных учреждений, расположенных в городах [4], до создания арестных домов на новом фундаменте.

Изученная зарубежная практика демонстрирует различные подходы к разрешению данного вопроса. В Республике Армения арест исполняется непосредственно исправительными учреждениями, среди которых арестные дома специально не выделяются. В Белоруссии арестные дома могут создаваться как в виде самостоятельных учреждений, так и в виде изолированных участков исправительных учреждений. Опыт реализации ареста в Украине показывает, что по закону арест должен исполняться арестными домами, но на практике они также создаются на базе исправительных учреждений. Таким образом, можно выделить три основные модели создания арестных домов: создание арестного дома как самостоятельного учреждения уголовно-исполнительной системы; возложение обязанности исполнения ареста на действующие исправительные учреждения; арестный дом как изолированный участок на территории исправительного учреждения.

С учетом ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ, предполагающей создание изолированных участков в виде исправительных центров при исправительных учреждениях для отбывания принудительных работ, полагаем разумным создать и арестные дома как изолированные участки при исправительных учреждениях. В связи с этим представляется, что в ст. 64 УИК РФ необходимо внести изменения, дополнив её ч. 2.1 в следующей редакции: «2.1. Изолированные участки, функционирующие как арестные дома, могут создаваться при исправительных учреждениях. Порядок создания указанных участков определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.»

Кроме того, полагаем, что после внесения соответствующих изменений, необходимо провести комплексную реформу исправительных учреждений в целях создания изолированных участков двух видов: функционирующих как исправительные центры и функционирующих как арестные дома.

Третья группа проблем учреждений, исполняющих наказания в виде ареста, связана с **гауптвахтами**, которые должны, с точки зрения логики законодателя, исполнять наказание в виде ареста в отношении военнослужащих. В литературе отмечается несоответствие условий отбывания наказания в виде ареста на гауптвахте Европейским пенитенциарным правилам [9]. По данному вопросу Верховный суд РФ в своем решении по делу № АКПИ14-210 по заявлению Маркова М.Ю. выразил правовую позицию, согласно которой Европейские пенитенциарные правила носят лишь рекомен-

дательный характер. С учетом установленного в ст. 8 УИК РФ принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, полагаем, что такой вид учреждений, исполняющих наказания в виде ареста, как гауптвахты следует сохранить с одновременным реформированием для обеспечения реализации гарантий защиты их прав.

В-четвертых, сегодня сложились **проблемы регламентации назначения и исполнения наказания в виде ареста**, связанные с принятием Федерального закона от 27.12.2009 года № 377-ФЗ, на что, в частности, обращал свое внимание В.А. Якушин [12]. До недавних пор существовали две достаточно серьезные проблемы. Первой выступало то, что при внесении изменений в ст. 88 УК РФ, устанавливающую специальную систему наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, было допущено законодательное противоречие со ст. 54 УК РФ. Это позволило бы назначать наказание в виде ареста несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет. Следует признать, что внесенные Федеральным законом от 24.11.2014 года № 371-ФЗ поправки устранили указанную проблему, полностью исключив возможность назначения и исполнения данного наказания в отношении несовершеннолетних. Вторая проблема, которая продолжает существовать и по настоящий момент связана с тем, что из ч. 1 ст. 54 УК РФ законодатель «забыл» исключить указание на возможность замены обязательных и исправительных работ арестом, что прямо противоречит ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ. Полагаем, что в данном аспекте необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 54 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев.»

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует необходимость сохранения ареста как вида краткосрочного уголовного наказания в отличие от лишения свободы, которое, с нашей точки зрения, не должно иметь характеристики краткосрочности. Создание арестных домов предлагаем осуществить по аналогии с исправительными центрами как изолированных участков в исправительных учреждениях.

Список литературы:

1. Анисенко Е.В. Проблемы реализации отложенных уголовных наказаний в России. // Сибирский юридический вестник. — 2008. — № 4. — С. 65—71.
2. Беляев Н.А. Решать проблему по существу // К новой жизни. 1965. № 6.

3. Дебольский М.Г. Арест как вид наказания и возможности его применения к несовершеннолетним правонарушителям в России // Психология и право. — 2012. — № 4. — С. 66—76.
4. Евлоев Н.Д. Арест как один из видов наказаний за неосторожные преступления // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 7. — С. 241—243.
5. Зайцева Е.Н. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях: Дис. ... канд. юрид. наук Краснодар, 1998.
6. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 2. Часть Общая. Л., 1970.
7. Сергеева Т.Л. Эффективность краткосрочного лишения свободы // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968.
8. Степашин В.М. Арест как вид уголовного наказания // Вестник Омского университета. — 2011. — № 4 (29). — С. 130—134.
9. Степенко А.В., Смирнова М.Н. Соответствие отбывания уголовного наказания арест в России требованиям Европейским пенитенциарным правилам // Ученые заметки ТОГУ. — 2013. — Т. 4. — № 4. — С. 427—432.
10. Стромов В.Ю. Эффективность отечественной системы наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. — 2014. — № 6 (134). — С. 199—204.
11. Уголовно-исполнительное право России. Учебник / под ред. А.И. Зубкова. М.: Инфра М. Норма, 1997.
12. Якушин В.А. Институт наказания в условиях глобализации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2013. — № 4 (79). — С. 108—125.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Скворцова Юлия Сергеевна

*ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
НОУ ВПО «Мордовский гуманитарный институт»,*

РФ, г. Саранск

E-mail: juliya820624@rambler.ru

PROBLEMS EFFECTIVE PENAL SANCTIONS IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Skvortsova Juliya

*senior lecturer of Criminal law and procedure
Of Mordovian humanitarian Institute,
Russia, Saransk*

АННОТАЦИЯ

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в настоящее время рост уровня преступности является одной из самых серьезных проблем государственного масштаба. Наказание является формой уголовной ответственности, целью которого является предупреждение и противодействие совершению преступлений. Однако в современных условиях развития общества возникает вопрос эффективности реализации уголовного наказания в борьбе с преступностью. Существуют определенные проблемы эффективности уголовного наказания в борьбе с преступностью.

ABSTRACT

The relevance of the topic is that the present growth in crime is one of the most serious problems of the state level. The punishment is a form of criminal responsibility, which aims to prevent and counteract crime. However, in modern conditions of society all the more poignant question the effectiveness of the implementation of criminal punishment in the fight against crime. There are certain problems of efficiency of criminal punishment in the fight against crime.

Ключевые слова: уголовное наказание; преступность; уголовная ответственность; правопорядок; преступление.

Keywords: criminal penalties; crime; criminal liability; the rule of law; crime.

В современном обществе во многих странах мира преступность остается одной из самых актуальных и серьезных проблем. По данным статистики Организации Объединенных Наций преступность в мире в среднем увеличивается до 5 % в год при приросте населения в 1—1,2 % [2]. Преступность — это угроза правам и свободам человека и гражданина, интересам общества и государства. Каждое государство ведет политику в области борьбы с преступностью, разрабатывая способы и средства для эффективного противодействия увеличению общественно опасных социальных явлений в обществе.

Борьба с преступностью — это деятельность государства по предупреждению и пресечению преступности в обществе. *Основные задачи государства в области борьбы с преступностью — это выявление, предупреждение и пресечение преступлений, создание специальных органов по противодействию преступности и разработка нормативно-правовой базы, способствующая обеспечению безопасности личности, общества и государства.*

Одной из важнейших задач государств является охрана правопорядка в обществе от преступных посягательств. В уголовном законодательстве многих стран мира по-разному определено, какие деяния являются преступлениями и какому наказанию подлежат лица, совершившие общественно опасные деяния. Наказание является формой уголовной ответственности и его целью является предупреждение и противодействие совершению преступлений.

Уголовное наказание — это мера государственного принуждения, проявляющаяся в назначении наказания лицу, совершившему преступление, в виде лишения или ограничения прав и свобод этого лица.

И.Я. Фойницкий уголовное наказание определяет как «меру общественного самосохранения, которая применяется против состояния преступности» [3]. С этим трудно не согласиться. Сущность уголовного наказания заключается в его социальной природе, так как преступность — это угроза не только безопасности государства, но и социальному развитию страны.

Лицо, совершившее преступление, несёт уголовную ответственность, которая влечет за собой уголовное наказание. Уголовная ответственность и наказание представляют собой методы защиты общества от преступных посягательств и способы предупреждения преступности в государстве. Уголовное наказание зависит от вида преступления, тяжести его совершения, характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного и от обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность лица. В связи с этим актуален вопрос эффективности реализации уголовного наказания в борьбе с преступностью. Эффективность наказания определяется тем, насколько суд полно учитывает все обстоятельства дела. Немаловажным является качество добросовестности применения уголовного наказания, а также уровня профессионализма судей. Однако, существуют проблемы эффективности уголовного наказания в борьбе с преступностью.

Одной из таких проблем является несоответствие тяжести совершения преступления и вида наказания за это деяние. За тяжкие преступления необходимо предусматривать максимально строгий вид

уголовного наказания. Незначительное наказание чаще всего не воспринимается населением как сдерживающий фактор преступности. Каждый, кто совершил преступление, должен быть наказан и понести уголовное наказание, которое будет соответствовать содеянному.

Не всегда применение максимально строгого наказания приводит к исправлению осужденного, а, наоборот, к увеличению его опасности для общества, рецидиву преступления. Для того чтобы это исключить, необходимо перед органами исправительных учреждений поставить задачу — убеждать осужденных не совершать преступлений в будущем под страхом уголовного наказания за общественно опасные деяния. Нужно формировать у осужденных уважительного отношения друг к другу, обществу и труду. Согласно теории итальянского правоведа Ч. Беккариа, «цель наказания заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление... Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [1].

Другой немаловажной проблемой эффективности уголовного наказания является уклонение от наказуемости за совершенное преступление. Из средств массовой информации зачастую узнаем о том, что не все лица, совершившие преступные посягательства, реально привлекаются к уголовной ответственности. В условиях неравенства в применении наказуемости возникают определенные проблемы относительно определения эффективности наказуемости за общественно опасные деяния.

Обеспечение эффективности уголовного наказания достигается при взаимодействии правоохранительных и правоприменительных органов, проведении государством уголовной политики в области борьбы с преступностью и обеспечении реального исполнения приговоров, выносимых судами.

В большинстве стран мира современная практика назначения наказания признается неэффективной, поскольку она не приводит к снижению уровня преступности в целом.

Следует отметить, что уголовное наказание — необходимое средство борьбы с преступностью. Наказание является обязательной мерой, без которого не может существовать уголовный закон, уголовное право, не может осуществляться борьба с преступностью.

Поэтому необходимо совершенствовать уголовные законодательства стран, системы и меры наказаний и деятельность исправительных учреждений, что повлечет за собой новую политику борьбы с преступностью.

Список литературы:

1. Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1999.
2. Лунев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России. Государство и право. 2004. № 1.
3. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. Изд. Добросвет-2000, Городец-2000, — С. 65—68.

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
XLVII международной научно-практической конференции

№ 3 (45)
Март 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.03.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,375. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3